'Беспощадный'

Григорий Пудович Негода

SHOUT
SHARE
IT

- Негода Григорий Пудович

Негода Григорий Пудович 'Беспощадный'

Негода Григорий Пудович
"Беспощадный"

Аннотация издательства: "Беспощадный" - так назывался эскадренный миноносец, слава о котором в годы Великой Отечественной войны облетела весь Черноморский флот. Много героических дел совершили моряки этого корабля. Огнем своих орудий миноносец поддерживал отважных защитников Одессы, совершал дерзкие рейды к вражеским берегам, обрушивая удары по войскам и укреплениям противника, не раз вступал в жестокие бои с фашистскими батареями и авиацией. За героизм и мужество экипажа эскадренный миноносец "Беспощадный" был награжден орденом Красного Знамени. О людях корабля, их подвигах рассказывает в своих воспоминаниях контр-адмирал Г. П. Негода, командовавший "Беспощадным" в то время. Автор стремится всесторонне показать жизнь экипажа, отвагу и находчивость моряков, неутомимую воспитательную работу, которую вели на корабле коммунисты.

Содержание

Нас ждет Одесса
Горнист играет "Захождение"
Обычный рейс
Жизнь требует: учись!
"Команде отдыхать!"
В шторм
Берег просит огня
Планово-предупредительный
В главной базе
Десант
Живучесть корабля
Бомбы рвутся на полубаке
Оставаться нельзя
Когда топором рубят сталь
"Пластическая операция"
Опять все сначала
Листовая пробка
Переход
Орден на флаге
Указ
Дивизион "буки"

Хозяева Черного моря
"Беспощадный" живет!
Нас ждет Одесса
Горнист играет "Захождение"

Экипаж эскадренного миноносца по строен по большому сбору. Окинув взглядом ровные шеренги, вызываю трех краснофлотцев. Радист Алексей Соловьев, машинист-турбинист Петр Вахрушев, сигнальщик Сергей Степанов выходят из строя. На лицах удивление, радость, растерянность: друзья еще не верят в свою удачу. Внимательно наблюдаю за остальными. Улыбаются. В глазах, обращенных на трех товарищей, светится хорошая, добрая зависть. Хмурых, недовольных нет. Значит, одобряют выбор, значит, мы не ошиблись.

А задача была не из легких.

Утром, как только стало известно, что личный состав нашего корабля должен выделить трех человек на сухопутный фронт под Одессу, более ста пятидесяти рапортов оказалось у меня на столе.

Я долго перебирал эти листки, вчитывался в скупые строки, выведенные то аккуратным каллиграфическим почерком, то торопливо, нервно - буквы так и пляшут. Разные люди писали. Но мысли и чувства у них одинаковые: все рвутся на фронт, каждый мечтает о подвиге. К некоторым рапортам приложены короткие заявления: "Прошу партийную организацию принять меня кандидатом в члены партии. В бой хочу идти коммунистом". Я знаю всех этих краснофлотцев, старшин, офицеров. На любого можно положиться. Отличные моряки, замечательные товарищи. Тем труднее сделать выбор. Надо выделить самых достойных. Только тогда у других не будет обиды.

В каюту зашел, комиссар корабля старший политрук Бут. Посмотрел, как я рапорты перебираю, пошутил:

- Пасьянс раскладываешь? А знаешь, матросы так и дежурят на юте, тебя поджидают. Каждому хочется лично с тобой поговорить, доказать, что именно его нужно послать. Мне тоже проходу не дают, еле вырвался.

Вместе просматриваем рапорты. Комиссар читает, восторгается:

- Молодцы, молодцы ребята!

- Что молодцы - я и без тебя знаю, Тимофей Тимофеевич. Ты вот скажи: на ком остановиться?

- Это нам одним не решить. Давай товарищей вызовем, посоветуемся.

Приглашаю к себе своего помощника, командиров боевых частей, секретарей партийной и комсомольской организаций. Спорили часа два, пока не сошлись на трех кандидатурах.

И вот сейчас мы провожаем своих боевых друзей. Они получают винтовки, ручные гранаты, одеваются в обмундирование первого срока. На бескозырках золотом горит название корабля: "Беспощадный".

- Помните свой корабль, не роняйте его чести, - говорю им.

Соловьев, Вахрушев и Степанов, сжимая в руках винтовки, стоят перед строем, повернувшись лицом к корабельному флагу. Слова попросил Соловьев:

- Дорогие наши друзья! Спасибо вам за доверие. Клянемся, что оправдаем его. Вот моя бескозырка. Она всегда будет напоминать мне о вас, о родном корабле. Мы, моряки, умеем воевать, а если понадобится умереть - умрем ради победы. Бейте фашистов с моря, а мы будем их уничтожать на суше. Встретимся с победой. Обязательно встретимся!

Трое обходят строй, жмут руки друзьям, потом сходят на катер. Тихо загудел мотор. Катер отваливает от борта. Я стою на верхней площадке трапа, приложив руку к фуражке. Глазами подаю знак стоящему рядом горнисту. Он поднимает горн, и над бухтой плывет протяжный сигнал "Захождение". Обычно таким сигналом на кораблях встречают и провожают большое начальство. Сейчас он звучит в честь простых матросов. Отступив от устава, я не чувствую угрызений совести, Вместе с пением горна с борта эсминца несется мощное "ура!" моряков. Мы провожаем своих друзей в бой, на славные дела. Пусть же запомнится морякам эта минута.

Обычный рейс

"Беспощадный" все чаще выходит в море. Мы конвоируем транспорты в осажденную Одессу. В каждом походе отбиваемся от вражеской авиации, вступаем в бой с артиллерийскими батареями противника, принимаем все меры, чтобы уберечься самим и уберечь транспорты от подрыва на минах.

24 августа 1941 года возвращаемся в Севастополь. Матросы еще находятся под впечатлением виденного в Одессе. На наших глазах вражеские бомбы падали на красавец город. Рушились дома, дым пожаров вздымался к небу. Мы видели на улицах трупы детей и женщин. Наши сердца пылают ненавистью к врагу.

Тяжело защитникам Одессы. С трех сторон враг обступил город. Сообщение со страной поддерживается только морем. Кораблям и судам нелегко пробиться к городу.

Фашистские самолеты и артиллерия не жалеют бомб и снарядов. Город остался без воды. Насосная станция, подававшая воду из Днестра, захвачена немцами. Нашим судам, везущим воду, пройти удается редко: фашистские летчики с особой яростью охотятся за ними. Вода выдается по карточкам. Войска и

жители страдают от жажды. Но люди держатся. Прижатый к морю, испытывающий всяческие лишения, гарнизон наносит врагу сокрушительные удары. На весь флот гремит слава морского полка Якова Осипова. Матросы наводят на врага ужас своими лихими штыковыми атаками. Мы гордимся тем, что посланцы нашего корабля сражаются в этом героическом полку.

Имя нашего корабля - "Беспощадный" - полностью соответствует нашему настроению. Никакой пощады врагу!

Подошла баржа с боезапасом. Матросы вереницей бегут по трапу, сгибаясь под тяжестью снарядов. Работают молча. Лица угрюмые, решительные. Все полны желания быстрее изготовить корабль к бою - и снова в море, к Одессе.

Вечером мы выходим в море. В кильватер за нами следуют три транспорта. Они везут в Одессу войска и бензин. Ночь проходит спокойно. Наступило утро. Море тихое, ласковое. Но моряки перестали доверять тишине. До боли в глазах всматриваются сигнальщики в водную гладь и в чистое голубое небо. Пока на горизонте ни пятнышка, и в небе не видно самолетов. Идем малым ходом, приноравливаясь к медлительным транспортам. Враг не показывается. И все же артиллеристы не отходят от орудий. В любую минуту можно ждать нападения. К вечеру увидели берег. Зарево пожаров алеет в сумерках, вспышки орудийных выстрелов мерцают по всему побережью. Одесса близко. Проходим ее пригород Новую Дофиновку. Мы знаем, что здесь стоит батарея противника. Почему, так долго не темнеет? В темноте мы, возможно, проскочили бы незамеченными. А теперь немцы увидели караван. Четыре огонька сверкнули на берегу. Возле одного из транспортов выросли водяные столбы. И тут же мы услышали четыре раскатистых взрыва.

Надо спасать караван. "Беспощадный" разворачивается и на полном ходу скользит между берегом и транспортами, оставляя за собой шлейф дымовой завесы. Непроницаемая стена дыма прикрывает суда от наблюдения противника. Вражеская батарея продолжает палить; но теперь наугад, попусту тратя снаряды. Это понимают и немцы. Они перестают стрелять по транспортам и переносят огонь на эсминец. Взметенные взрывами фонтаны воды возникают то с одного, то с другого борта. Маневрируя, уклоняемся от попадания. Наконец, круто развернувшись, прячемся в свою дымовую завесу. Фашистская батарея выпускает еще несколько снарядов и замолкает.

Испытания наши только начинаются. Берег весь занят врагом. Неподалеку от поселка Фонтанка стоит еще одна 120-миллиметровая немецкая батарея. Она поджидает, когда караван приблизится к ней. Как уберечь транспорты? Выход один: отвлечь

от них внимание противника. Пусть он стреляет по эсминцу. Мы знаем, что батарея сухопутная, приборов для ведения огня по быстроходным морским целям на ней нет. Попасть в наш стремительный эсминец ее артиллеристам не так-то просто.

"Беспощадный" направляется прямо к берегу. До противника тридцать пять, тридцать кабельтовых, а немцы молчат. В чем дело?

- Тимофей Тимофеевич, - спрашиваю стоящего рядом со мной комиссара, - как ты думаешь, почему они не стреляют?

- Выжидают, черти!

- А мы их пощекочем...

Приказываю нашему артиллеристу старшему лейтенанту Василию Васильевичу Ярмаку открыть огонь но батарее. Вся беда, что мы не знаем ее точных координат. Выбираем место, где вероятнее всего она может находиться.

Орудия корабля развернулись в сторону берега. Прозвучали короткие звонки. Это сигнал "Орудия зарядить!". Загремели цепи элеваторов, подающих снаряды из погребов. Через несколько секунд корабль вздрагивает всем корпусом. Дружно, оглушительно ударили орудия. На темном берегу зажигаются и гаснут огненные всплески: рвутся наши снаряды. Сначала, кроме них, ничего не видно. Но вот темноту рассекли четыре бело-голубых языка. Не выдержали немцы! Их батарея ответила на наш огонь. Мы засекаем ее местоположение и бьем теперь из всех орудий. Поединок принимает ожесточенный характер. Все ближе от нас падают вражеские снаряды. Не прекращая огня, корабль вычерчивает зигзаг. Немцам приходится постоянно менять прицел. И все-таки огонь их довольно точен. Один снаряд рвется возле самого борта. Нас с головы до ног окатывает водой. По палубе и надстройкам стучат осколки. К счастью, никого не задело.

Пока немецкая батарея обстреливала нас, транспорты спокойно миновали опасный участок. Продолжать дальше поединок нет нужды. Ставим дымовую завесу и под ее прикрытием удаляемся от берега, нагоняем транспорты. Эсминец стопорит машины неподалеку от Воронцовского маяка. Мы долго следим за входящими в гавань транспортами, пока темнота не скрывает их.

Задача наша выполнена. Войска и ценный груз доставлены в Одессу.

Ложимся на обратный курс. На траверзе маяка Большой Фонтан сбавляем ход. Здесь мы должны пробыть до утра в ожидании дальнейших распоряжений. Части, обороняющие Одессу, могут потребовать огня в любое время суток. В гавани

стоять опасно: порт находится под артиллерийским обстрелом.

Ночь черная, непроглядная. Ни огонька вокруг. Только зловещее зарево не гаснет над Одессой и ее пригородами.

На баке тлеют красные угольки цигарок. После отбоя боевой тревоги матросы сошлись покурить у обреза. Слышатся шутки, смех. До меня доносится голос старшины 2-й статьи Владимира Сихнешвили, командира отделения комендоров. Артиллерист все еще возбужден после недавнего боя.

- А верно в песне поется: "Смелого пуля боится, смелого штык не берет". Как мы сегодня лихо гарцевали под самым носом противника! И хоть бы что! Фашистам мы перцу всыпали, а сами не получили и царапинки и транспорты доставили целешенькими.

Переменными курсами ходим во тьме в нескольких милях от берега.

Слипаются веки: вторые сутки я на ногах. Чтобы разогнать сон, шагаю по мостику. Отдыхать не время: когда противник рядом - будь начеку.

В полночь шифровальщик приносит радиограмму за подписью командующего Одесским оборонительным районом контр-адмирала Г. В. Жукова: "Нанести артиллерийский удар по скоплению техники и живой силы противника в районе Гильдендорф, Визирка - поддержать морскую пехоту".

Прибавляем ход, приближаемся к берегу. Связываюсь по радио с корректировочными постами. С берега передают: "Ждать до утра",

Рассвет застает нас вблизи маяка Большой Фонтан. День опять обещает быть солнечным и тихим. Для нас это - горе: жди налета вражеской авиации.

Вновь сношусь с корректировочными постами. Отвечает командир 1-го полка морской пехоты полковник Яков Иванович Осипов. Сообщает нам координаты цели и добавляет:

- Огонь откроете по моему приказу.

Сигнал боевой тревоги поднимает матросов. Большинство из них и отдыхало у орудий.

Мигом слетают чехлы с пушек. Командиры боевых постов один за другим докладывают о готовности. Мой помощник капитан-лейтенант Кабистов сводит множество этих докладов в один:

- Товарищ командир, эсминец "Беспощадный" к бою готов!

Смотрю на часы.

- Очень хорошо, Алексей Николаевич. За минуту уложились. И впредь так держать!

- Есть, так держать! - с юношеской восторженностью

отзывается офицер.

Настороженная тишина на корабле. Артиллеристы замерли у орудий. Радисты крепче прижимают наушники: не прозевать бы команды с берега. "Беспощадный" тихо рассекает водную гладь. Безмолвие нарушается лишь криком чаек да плеском резвящихся поблизости дельфинов.

Наконец по радио поступают долгожданные слова: "Открыть огонь!"

Враз загрохотали наши орудия. Испуганно метнулись и улетели чайки. А с берега уже бьет по нас вражеская батарея. Из-за горизонта выползает огромное красное солнце. В его лучах водяные столбы от снарядов кажутся огненными факелами. И море все зловеще-красное, как расплавленный металл.

В короткую паузу между залпами ловлю тревожный возглас сигнальщика старшины 2-й статьи Ивана Куксова:

- Слева девяносто - самолеты!

Передвигаю рукоятки машинного телеграфа на "самый полный вперед". Корабль набирает скорость. Упругий ветер давит в лицо. Пронзительно, торопливо захлопали наши зенитки. Кренясь от крутых поворотов, "Беспощадный" мечется зигзагом, не давая врагу вести прицельное бомбометание. Темп огня не снижается. Правым бортом стреляем по берегу, левым - отбиваемся от самолетов.

"Юнкерсы", растянувшись цепочкой, по очереди ныряют в пике. В гром канонады вплетаются визг падающих бомб и раскаты взрывов. Море кипит. Каскады воды обрушиваются на корабль. Клубы дыма слепят нас. Временами, когда дым рассеивается, я вижу матросов. Раздетые по пояс, мокрые от пота и брызг, они трудятся у орудии.

С берега радирует Осипов: "Хорошо бьете, прибавьте еще!"

И "Беспощадный", лавируя среди взрывов, бьет и бьет...

Десятки бомб сбросили фашистские летчики. Вражеские артиллеристы выпустили сотни снарядов.

А мы все целы и стреляем. На наших глазах падает в море сбитый нами самолет.

Опять радирует Осипов: благодарит за поддержку. Облегченно вздыхаем. Смолкают пушки. Матросы, утомленные после напряженного боя, убирают с палубы стреляные гильзы, приводят в порядок нагревшиеся орудия.

В.последний раз бросаем взгляд в ту сторону, где сражается с врагом героическая Одесса, и берем курс на Севастополь.

Совершен еще один рейс, обычный в те дни для многих кораблей Черноморского флота.

Жизнь требует: учись!

В Севастополь вернулись на рассвете. Эсминец заправился мазутом и боезапасом. Матросы получили возможность немного отдохнуть. А мне еще нужно идти на доклад к командующему эскадрой на линейный корабль "Севастополь". Спустился в свою каюту, чтобы переодеться. С сожалением посмотрел на неизмятую постель: за весь поход так и не удалось ни разу прилечь.

Контр-адмирал Л. А. Владимирский встретил радушно. Прежде всего справился о здоровье. Моему бодрому ответу не поверил:

- Вид у вас плоховат. Отдохнуть надо, поэтому долго задерживать не буду. Рассказывайте, как воевали.

Кратко докладываю, как проходило плавание. Владимирский выслушал, а потом засыпал вопросами. Им, казалось, и конца не будет.

- Вы заметили, под каким курсовым углом приближались вражеские самолеты к кораблю? А на какой высоте? В каком строю летели? Сколько времени они находились в пике? Как сбрасывали бомбы, поскольку за один заход? Какова кучность падения бомб? Сколько времени летели бомбы с момента отрыва от плоскости самолета до падения в воду? А как маневрировали самолеты, выходя из атаки?

Столь же детально выпытывает командующий сведения о вражеских батареях, о меткости их огня, о том, на каком расстоянии они обнаруживают корабль и с какой дистанции открывают по нему огонь.

Признаюсь, эти вопросы удивили меня. Разве в бою до таких мелочей? Когда на нас падали бомбы, мы думали лишь о том, как уберечься от них. Правда, кое-что я заметил: "юнкерсы" атаковали нас на острых курсовых углах, подходили к нам на высоте около четырех тысяч метров...

- Этого мало, - говорит адмирал. - О противнике мы должны знать абсолютно все. Без этого нельзя победить.

Осторожно пытаюсь возразить:

- На ходовом мостике командуют, а не ведут исследовательскую работу.

- Запомните: настоящий командир всегда в большей или меньшей степени исследователь. Особенно в бою.

Вместе обсуждаем, как впредь лучше наблюдать за тактическими приемами противника. Придется привлечь к этому делу всех офицеров корабля.

- А теперь идите к Елисееву, - говорит Владимирский, - он хочет вас видеть. Наверное, новое задание приготовил.

На катере добираюсь до Графской пристани. Долго стою на гранитных ступенях. Снял фуражку. Ласково светит солнце,

легкий ветерок приятно охлаждает разгоряченную голову. День чудесный. Не верится, что идет война. Вчерашний бой кажется сном. Опускаюсь на корточки, окунаю руку в теплую изумрудную воду. Маленькие юркие крабы смешно, бочком бегут по мокрому камню. Пытаюсь поймать их. Со стороны глуповато выглядит: взрослый человек, офицер, забавляется, как ребенок. Поднимаюсь, одергиваю китель. Надо идти.

Медленно шагаю по круто поднимающейся улице. Вот он, любимый мой город. Здесь начиналась моя служба. Здесь жила моя семья, росли дети. Совсем недавно вот у этого киоска я с сыновьями Леней и Эриком пил газированную воду, и вдруг оказалось, что не взял с собой денег. Нечем расплачиваться. Смутился я, еще больше смутилась молоденькая продавщица. Начали извиняться друг перед другом. Девушка успокаивала: "Пустяки, после расплатитесь". Но мы все-таки сбегали домой, принесли деньги. А вот летний кинотеатр, где мы с женой любили бывать. И опять вспомнилась картинка прошлых дней.

Вернулся я с моря, уговорил жену пойти в кино. На обратном пути спрашиваю ее:

- Ну как, Шура, картина понравилась?

- А я ее не видела.

- То есть как не видела?

- Да так вот, не видела - и все. Ведь я пошла ради тебя. Не пойти - ты обидишься. А я же всю ночь не спала. Знаешь же, какой наш Леня беспокойный. Вот я и продремала весь фильм...

Кажется, все это было давным-давно. Стоял город на берегу моря - красивый, манящий. Улицы его были заполнены шумной веселой толпой, особенно в часы увольнения моряков с кораблей. Радуясь встрече, женщины в цветистых нарядных платьях улыбались людям в белоснежных флотских форменках и кителях. Летом все побережье усеяно купающимися. Щедрое южное солнце бронзовым загаром покрывало обнаженные тела. И всюду слышался счастливый смех детворы.

Теперь этого нет. Я вижу другой город - молчаливый и суровый, как воин, приготовившийся к отражению вражеской атаки. Озабочены, торопливы редкие прохожие. Не видишь больше нарядных платьев, щеголеватых белых форменок с голубыми воротниками. Подчеркнуто строгой стала одежда людей: рабочие спецовки, солдатские гимнастерки, темно-синие фланелевки матросов. Люди привыкли к войне. Их не ввергают в трепет следы недавних бомбежек: обгоревшие и разрушенные здания, мостовые, изрытые воронками и заваленные грудами щебня. Мимо меня деловито проходит группа рабочих и работниц с ломами и лопатами на плечах. Севастопольцы строят

укрепления вокруг города.

Невольно прибавляю шаг. Не до прогулок сейчас в Севастополе. Выписав пропуск, прохожу в штаб флота. Начальник штаба контр-адмирал И. Д. Елисеев так же, как полчаса назад Владимирский, пытливо расспрашивает о походе, о действиях экипажа в бою, тактике противника. Отдельные подробности просит повторить, и в это время карандаш в его пальцах быстро бегает по бумаге.

- Это очень-очень важно. Нужно, чтобы все наши командиры знали.

По его настоянию черчу на листе схему маневрирования корабля при постановке дымовой завесы и во время поединка с вражеской батареей.

- Хорошо вы придумали - отвлечь огонь на себя. Посоветую так поступать и другим кораблям конвоев. - На усталом лице начальника штаба появляется улыбка: - Вот по таким крупинкам и собирается боевой опыт. Очень прошу вас: больше подмечайте в бою, на каждую мелочь обращайте внимание.

То же слышу и в отделе коммуникаций, где капитан 2 ранга Нестеров буквально "выжимает" из меня все, что было связано в походе с конвоированием транспортов. Только после этого он говорит мне:

- Вам предстоит новая работа, товарищ капитан-лейтенант. Еще три транспорта вы проведете в Одессу. Они везут важнейший груз и должны прибыть к месту назначения не позже ноль-ноль первого сентября. Метеослужба предсказывает шторм. Это вам на руку: немцы и не подумают, что кто-нибудь осмелится выйти в море в такую погоду.

Покончив с делами в штабе, вновь шагаю по городу. Захотелось заглянуть к себе на квартиру. Дом наш пока цел. Отпираю дверь. Семья моя эвакуировалась из Севастополя, в квартире пусто, сиротливо. Пол, мебель покрылись пылью. И хоть все стоит на своих местах, комнаты кажутся чужими. Внимательно всматриваюсь в портрет на стене. Это мы с женой сфотографировались в Ленинграде, когда я только что окончил училище. Какие молодые безмятежные лица! Шура выглядит совсем девочкой. Где она сейчас с нашими птенцами? Сколько забот свалилось на ее плечи...

Оглядываю шкафы, набитые книгами. Мы оба любили читать, старательно собирали свою библиотеку. Когда теперь снова доведется порыться в книгах? На глаза попадает альбом с фотокарточками. Перелистываю его. Вот наша последняя семейная фотография. Мальчишки удивленно уставились в аппарат, забавные, смешные. Посчастливится ли увидеться с

ними? Завертываю альбом в газету. Возьму его с собой на корабль. Пусть хоть фотографии близких будут всегда со мной. На диване лежат игрушки - плюшевые мишки, ярко раскрашенные кубики, автомашины. Будто только сейчас играли с ними сыновья...

Тоскливо стало на душе, подошел к окну. Отсюда видна вся Южная бухта. Пестрые от камуфляжа, сливаются с берегом крейсеры и линкор. У Морского завода ремонтируются изувеченные в боях корабли. Вижу и "Беспощадный", ошвартованный кормой к стенке Минной пристани. Струнами натянулись тросы, словно корабль изо всех сил рвется в море.

Неудержимо повлекло туда, к боевым друзьям. Теперь они - моя семья.

И сразу вспомнились все разговоры, которые мне пришлось вести сегодня. Думать, учиться велят мне начальники. Этого не они - сама жизнь требует. И, возвращаясь на корабль, я собираюсь всех усадить за учебу. Но оказывается, эта учеба уже идет. Куда ни заглянешь на корабле - всюду учатся.

В кубрике собрал своих подчиненных воентехник 2 ранга Яков Степанович Козинец, командир электромеханической боевой части. Он подводит итоги работы в походе. У меня нет никаких претензий к машинистам. А Козинец хвалит их скупо, больше нажимает на недостатки. Упрекает главного старшину Николая Землянухина в том, что мало занимался с аварийными партиями, не снабдил их достаточным количеством материала. А разве можно мириться с этим, когда корабль в беспрерывных боях и каждую минуту нависает угроза повреждения корпуса и механизмов?

Главный старшина Чуприков тоже выслушивает не совсем приятное. Случалось, его котельная группа при переменах хода не справлялась с регулированием горения, и тогда из трубы вырывалась густая шапка дыма, демаскируя корабль. Вывод: упорнее надо учиться.

- Перенимайте опыт командира второго котельного отделения старшины второй статьи Тугая. Он так обучил своих подчиненных, что те за весь поход не допустили и облачка дыма.

Козинец оценивает действия каждого моряка своего подразделения. Он призывает настойчивее учиться, больше тренироваться. Этот призыв в его устах приобретает особую убедительность. Козинец не кончал военно-морского инженерного училища. Он вырос из рядовых матросов до командира боевой части. Самостоятельно овладел всей премудростью сложнейшей корабельной техники. А сейчас один из лучших инженер-механиков на флоте. Хозяйство у него

большое, чуть не круглыми сутками трудится наш механик. И все-таки находит время для учебы. Загляните к нему в каюту. На полках техническая литература, чертежи.

Постоянно думает Козинец, как сделать, чтобы механизмы работали еще лучше, еще надежнее, а люди стали подлинными мастерами своего дела.

Взыскательно оценивают уроки похода артиллеристы, моряки штурманской боевой части, торпедисты, боцманы. Люди сознают, что от этого зависит успех будущих боев. Выяснилось, что не все в опасную минуту держались уверенно. Молодой торпедист Сутырин во время налета вражеской авиации спрятался под торпедный аппарат. Случай из ряда вон выходящий. Но, вдумчиво взвесив его, приходим к выводу: дело не только в том, что у парня мужества не хватило, но и в том, что этот человек выпал из поля зрения командиров. По существу, у него не оказалось в бою никаких обязанностей. Если бы ему, допустим, поручили вести наблюдение или винтовку выдали, чтобы стрелял по самолетам, глядишь, матрос по-другому бы вел себя.

Как добиться, чтобы каждый моряк сражался храбро и умело, не знал страха и растерянности в бою? Об этом всем нам нужно думать. После подведения итогов похода по боевым частям комиссар корабля созвал агитаторов. Их много у нас. Они еле разместились в офицерской кают-компании. Бут в последнее время уделяет агитаторам особое внимание. Мы же почти не бываем в базе. А в походе людей редко удается собрать вместе. Агитаторы ведут работу непосредственно на боевых постах. Влияют они на людей не столько словом, сколько личным примером.

- Отлично знай свое дело, будь храбр и находчив в бою, чтобы все твое поведение служило для товарищей образцом, - говорит агитаторам Бут.

К словам нашего комиссара прислушиваются все. Матросы успели убедиться в его отваге и самообладании. В решающие минуты комиссар оказывается там, где всего опаснее, - спокойный, уверенный. Одно его слово, приводит в себя самых неуравновешенных. Всюду он оказывается необходимым.

Корабль Тимофей Тимофеевич знает не хуже опытнейших офицеров, но еще лучше знает людей. Простой, веселый, общительный, комиссар умеет затронуть сердце каждого. И моряки искренне любят его.

Я слушаю, как Бут разговаривает с агитаторами. Нет, это не инструктаж, это задушевный разговор товарищей, делающих одно общее партийное дело. Здесь сидят люди, которые всегда и всюду с матросами: и в бою, и во время отдыха, живут в одном кубрике с

ними, спят на соседних койках. Им известны настроения, думы любого из моряков. Коммунист старшина 2-й статьи Михаил Рыбаков с тревогой говорит о старшем краснофлотце Анатолии Красавцеве. Хороший моряк, бесстрашный, исполнительный, знающий. Но в последние дни загрустил, замкнулся в себе. Горе у него: родное село занято немцами. Переживает моряк за своих родителей, отчаивается. Поддержать бы его, ободрить, но гордый он, в одиночку переживает несчастье, с товарищами говорить перестал. Как помочь человеку?

Много таких неожиданных вопросов возникает перед коммунистами.

- У большинства матросов настроение бодрое, - вступает в разговор комендор старшина 2-й статьи Набиюля Насыров, - в походах сил не жалеют и радуются каждому бою. Но слишком мы сейчас все врозь. Подолгу не сходим с боевых постов и не знаем, что делается в других подразделениях. А по корабельному радио только команды слышим. Нельзя ли по нему передавать, как идет бой, кто как действует, кто отличился? Это очень важно для матросов.

Комиссар легонько толкает меня в бок: мотай на ус, командир! А я и так все внимательнее прислушиваюсь к беседе. Толковое говорят ребята. Плохо мы используем радиотрансляцию, а с ее помощью можно в походе разговаривать со всеми моряками. Ведь на других кораблях даже радиогазеты вошли в обычай. Разве у нас их нельзя организовать?

- Мы понимаем, что нашим командирам хлопот прибавилось, - слышу негромкий голосок турбиниста старшины 2-й статьи Михаила Мисько. - Но должны они находить время поговорить с матросами. Много значит для моряка командирское слово в трудную минуту.

- О песнях мы забыли, - говорит Рыбаков. - С началом войны умерла наша самодеятельность. А сейчас она принесла бы большую пользу. После боя хочется хорошо отдохнуть. Душевная песня настроение поднимает. И о библиотеке подумать надо. Это плохо, что матросы читать перестали. Надо советовать им, что читать. Интересная книга тоже помощник на войне.

- За коками следить надо, - слышу голос из угла.

Сейчас, ссылаясь на трудности походного житья, они частенько кое-как готовить стали. А ведь пища тоже укрепляет дух бойца.

Бут на меня поглядывает. Как мы прозевали такие вещи?

Раньше я мало интересовался делами агитаторов. Считал: достаточно, что ими занимается комиссар. Теперь, слушая их, понимаю свою ошибку. Надо чаще советоваться с ними.

Вечером приглашаю на "Беспощадный" капитанов транспортов. Все трое уже пожилые моряки, солидные, знающие себе цену. Рядом с ними я чувствую себя мальчишкой. Хорошо, что знакомый среди них оказался - Письменный, с которым мы подружились, когда он еще командовал пассажирским теплоходом "Ленин". И вот этим уважаемым людям я должен давать сейчас указания, поучать их. Не знаю, с чего начать разговор. Выручает Письменный. Осторожно кладет на мою руку свою огромную жесткую ладонь, говорит с улыбкой:

- Григорий Пудович, ты не гляди на наши годы. Давай учи нас.

Старые моряки внимательно выслушивают мой рассказ о прошлом походе. Вместе склоняемся над картой, определяем маршрут перехода, порядок действий на случай налета вражеской авиации. Договариваемся о сигналах и тактических номерах судов в походном ордере. Чтобы уверенно держать строй, головным в кильватерной колонне ставлю самый тихоходный транспорт. Снимаемся завтра в девять ноль-ноль. Скорость - десять узлов.

Расстаемся хорошими друзьями. Капитаны верят мне, не сомневаются в том, что "Беспощадный" не оставит их в беде, сумеет защитить. А я уверен в опыте и искусстве старых моряков и в том, что они в точности исполнят каждый мой сигнал. Такая вера друг в друга жизненно необходима в конвое.

"Команде отдыхать!"

Моряки, свободные от вахт и дежурств, отдыхают. Каждый использует эти часы по-своему. Одни пишут письма, другие задумались над шахматной доской, третьи сражаются в домино. Почти в каждом кубрике увидите матроса с баяном. Тихо, выводит он любимую песню, а товарищи, обступившие его, так же задумчиво, задушевно подпевают.

В пятый кубрик спускается младший политрук Иван Григорьевич Носков. Подсаживается к столу, где несколько матросов пишут письма. Краснофлотец Михаил Шарапов пододвигается к нему и шепотом спрашивает:

- Товарищ младший политрук, а можно родным написать, как мы лупили фашистов под Гильдендорфом и как их самолет сбили?

- Можно, - отвечает Носков. - И подробно опишите, как сами действовали в бою. Молодцом вы себя показали.

Лицо матроса заливается румянцем.

- Да нет. О себе неудобно...

- Ладно, оставьте в конце письма несколько строк. Я сам напишу, как вы воевали.

- Спасибо! - обрадовался моряк.

Хоть и шепотом ведется разговор, но сидящий рядом старший краснофлотец Красавцев все слышит. Выбрав момент, он тоже обращается к Носкову:

- Будьте добры, проверьте, что я написал.

- Что вы, зачем же я буду читать чужие письма?

- Да вы только с точки зрения грамматики. Боюсь, что ошибки есть.

Носков бегло пробегает листок, поправляет несколько орфографических ошибок.

- Остальное все верно.

Матрос опустил глаза, мнется. Наконец осмеливается:

- Товарищ младший политрук, а мне вы не припишете пару строчек? Отец очень интересуется, как я служу. Вы знаете, он из старых рабочих, строгий такой, гордый. Каждый раз мне пишет: "Помни, сын, о чести нашей трудовой семьи, в ней трусов никогда не было, все были храбрыми, прямыми".

Иван Григорьевич улыбается, достает из кармана авторучку и размашисто пишет:

"Ваш сын, старший краснофлотец Красавцев, в бою отважен и находчив. Семья может гордиться им.

Секретарь партийной организации корабля младший политрук Носков".

Матрос с благодарностью принимает свой листок обратно, глаза сияют от счастья.

- Если бы вы знали, сколько для меня сделали! Вот мои старики обрадуются!

А за соседним столом разгорелся спор. Там состязаются шахматисты. Сами-то они молчат, а вот болельщики не поладили. Кто-то не выдержал и подсказал товарищу ход. Остальные возмутились:

- Что за игра на подсказках!

- Так и дурак выиграет!

Противная сторона пытается предпринять контратаку:

- Подумаешь, все равно вам мат!

- Научитесь сначала фигуры передвигать, а потом уж голос подавайте.

Третейским судьей приглашают младшего политрука. Тот решает быстро и безапелляционно:

- Проигрыш записать той стороне, которая допустила подсказку.

Один из игроков и товарищ, который оказал ему медвежью услугу, обиженно ворчат. Другие довольны. Мир восстановлен, и за доску садится другая пара.

Взрывы смеха доносятся из дальнего угла кубрика. Там собрались любители домино - самый неуемный народ. Вгорячах игроки так грохают костяшками по столу, что, кажется, и палуба вздрагивает, как при артиллерийской стрельбе. "Морским козлом" у нас увлекаются многие, в каждом кубрике есть свои чемпионы. Партии домино превращаются в целые баталии, в которых участвуют не только четверо игроков, сидящих с костяшками за столом, но и десятка полтора болельщиков, буквально навалившихся на плечи игроков, чтобы лучше видеть ход сражения. Сейчас болельщики требуют играть "на мусор": проигравшая пара должна освободить место для новых партнеров. Но победители против. Они хотят и дальше состязаться со своими прежними неудачливыми партнерами, чтобы наказать их: побежденные будут очередную партию играть стоя и... в противогазах. Болельщики не прочь посмотреть такой спектакль. Какой-то шутник успел сбегать на камбуз и притащить оттуда две очищенные капустные кочерыжки - самый подходящий приз для злополучных "козлов". Костяшки забухали с новой силой.

Но партию пришлось прервать на середине. По кубрику разнеслась веселая трель дудки дневального - "Команде ужинать!" Мгновенно освобождаются столы, к ним пододвигаются банки (так на кораблях называют скамейки). Специально выделенные матросы, в обязанность которых вменяется получать пищу на камбузе, гремя медными кастрюлями-бачками, кинулись к трапу.

Бачок - это не только посуда, в которой приносят еду с камбуза, это и группа моряков, питающаяся из данного бачка. Каждый бачок имеет свой номер, своего дежурного, который в течение недели доставляет еду, раздает ее, моет посуду. Должность довольно ответственная и беспокойная.

Первым вернулся с полным бачком краснофлотец Белоус. Он уже спустился на последнюю ступеньку трапа, как вдруг что-то загремело. Товарищам, которые его дожидаются с ложками наготове, не видно, что произошло. Но сидящие ближе к трапу хохочут, хлопают в ладоши, кричат:

- Записать!

В каждом кубрике аккуратно ведется список случаев, когда бачковый разливает еду, не донеся до стола. Фигурировать в этом списке крайне неприятно. Сегодня такая беда приключилась с Белоусом. Смущенный матрос молча берет швабру и начинает вытирать палубу. За спиной его смех, гомон. В адрес "бачка номер пять" - товарищей Белоуса - летят острые, а подчас и ехидные шутки. Те сидят молча, и в их глазах, устремленных на провинившегося, поблескивают вовсе не ласковые искорки. По милости Белоуса друзья теперь должны сидеть под градом

насмешек, когда за остальными столами люди едят на редкость вкусный борщ (все знают, что после сегодняшнего совещания агитаторов комиссар корабля задал такую головомойку кокам, что те теперь из кожи вон лезут, исправляя свой промах).

Повторно получить пролитый ужин бачковый может лишь в последнюю очередь. Поэтому Белоус не торопится. Тщательно прибрав палубу, он вымыл руки и только после этого отправился на камбуз. Вслед ему летит сердитый шепот товарищей:

- Медведь!

- Разиня!

Пропадает Белоус долго. За другими столами уже покончили с первым блюдом, бачковые собираются пойти за вторым. И тут показался Белоус, торжественный, сияющий. Матросы заглянули в бачок, который он принес, и ахнули. Бачок наполовину заполнен мясом, а главное - чудесными аппетитнейшими мосолками, которые все у нас считают лакомством.

Друзья сразу прощают своему бачковому все грехи. За другими столами вслух завидуют "пятому бачку" и поругивают за глаза коков: вот так наказали они нерадивого бачкового!

Жаловаться, конечно, никто и не подумал. Матросы знают цену шутке и рады каждой веселой истории.

Хороший ужин прибавил бодрости, оживления. Я прохожу по жилым помещениям, с удовольствием слушаю дружные песни под баян, смех и шутки, сам участвую в увлекательных матросских играх и душевных разговорах.

Изумительный народ у нас! Кто со стороны поверит, что эти безмятежные, смешливые парни только вчера были в бою, рисковали жизнью и что завтра они снова пойдут навстречу опасностям? Никакие трудности и лишения не сломят духа людей, которые в перерывы между боями могут так беззаботно смеяться.

В шторм

Поднялся я рано. Команда еще спала. На палубе встретил комиссара и Кабистова. Вместе решили проверить, как выдерживается корабельный распорядок. На флоте уж так заведено: в любых условиях соблюдается единая организация службы. Мирное ли время, война ли - жизнь на корабле течет размеренно, подчиняясь строгому регламенту.

Вот и сейчас мы следим, как проходит побудка. От острого взгляда Кабистова не укрылись отдельные неполадки. При побудке некоторые дневальные не включили свет. Трюмные запоздали дать воду в умывальники. Электрики несвоевременно запустили вентиляторы, чтобы проветрить помещения. Это мелочи. Но когда дело касается уставного порядка, все важно. И

Кабистов строго отчитывает провинившихся. Вообще же день начат хорошо. Моряки поднялись дружно. После завтрака по сигналу "Корабль к бою и походу изготовить!" все кинулись по своим местам.

Ветер усиливается. Даже в бухте эсминец начинает порядочно раскачивать. Приглашаю офицеров в кают-компанию, знакомлю с боевой задачей. Особо предупреждаю, что, несмотря на шторм, на корабле должна поддерживаться высокая боевая готовность, наблюдение вестись бдительно, неослабно.

В 8 часов 40 минут семафором запрашиваем разрешение на выход в море. Получаем - "Добро".

Поднимаюсь на мостик, принимаю рапорт вахтенного офицера лейтенанта Дьяченко. Подхожу к машинному телеграфу, осматриваю его. Справляюсь, кто стоит на руле. Окидываю взглядом верхнюю палубу с носа до кормы. Артиллеристы заняли места у пушек. Построились шеренгами швартовые команды. Все так привычно...

Кабистов стоит рядом, ожидая распоряжений.

- Снимайтесь с якоря, Алексей Николаевич, - говорю я ему.

Он бросает на меня обрадованный взгляд. Умеет мой помощник ценить доверие. Он счастлив, когда может проявить самостоятельность. Мне нравится в нем эта черта, хороший командир из него выйдет.

Преобразился капитан-лейтенант. Властно, твердо звучит его голос. Командует Кабистов с вдохновением:

- Убрать сходню! Отдать правый швартов! Левый травить! Пошел шпиль!

С удовлетворением наблюдаю за его действиями. Но вот мне показалось, что он замешкался с распоряжением, хочу уже вмешаться, а он спокойно командует:

- Отдать левый!

Как раз то, что я собирался приказать!

Ветер дует в левый борт. Когда швартовы отданы, а якорь еще не выбран, корабль, естественно, начало разворачивать. Создалась угроза удара кормой и винтами о соседние бочки. Кабистов предусматривает это. Правой машиной дает ход вперед, перекладывает руль. Корабль перестает разворачиваться и медленно движется вперед.

- Якорь чист! - докладывает боцман.

Набирая скорость, корабль направляется к бонам, к выходу из бухты. Крепко жму руку Кабистову.

- Благодарю, Алексей Николаевич. Съемку с якоря произвели отлично. Вам смело можно доверить корабль.

Ложимся на створ Инкерманских маяков, машины работают

"самым малым". Дожидаемся, когда к нам подтянутся транспорты. С северо-востока надвигается громадная черная туча. Ветер усиливается. Белые барашки бегут по морю. Туча настигла нас. Сразу потемнело вокруг. Высокая волна налетела на шкафут, прокатилась до самого юта, слизнула все, что было плохо закреплено. Слышу возмущенный голос главного боцмана мичмана Радюка. Недосмотрели его подчиненные, и два чехла с вьюшек сорвало и унесло в море.

Новая могучая волна ударяет в скулу эсминца. Брызги достигают мостика. Корабль кренится так, что нельзя устоять на ногах, если не ухватиться за что-нибудь. Орудия на верхней палубе скрываются в пене. Когда волна схлынула, артиллеристы, мокрые с головы до ног, вылезают из-за щита, отфыркиваются, отплевываются и, готовые снова юркнуть в укрытие, сердито вглядываются в море, поджидая очередную волну.

Я спокоен за людей. Плавать в шторм нам не впервой. Но все же по радиотрансляции предупреждаю всех о соблюдении сугубой осторожности: с разъяренным морем шутить нельзя. Кабистов, надвинув фуражку на самые брови, обходит корабль, проверяя еще раз, все ли надежно закреплено.

Артиллерист старшина 2-й статьи Сихнешвили на рострах борется с большим брезентовым чехлом. Котельные машинисты, сняв чехол с дымовой трубы, плохо уложили его. Хорошо, что подоспел Сихнешвили и уцепился за брезент, когда порывом ветра его уже рвало с ростров. В облаке брызг старшина, налегая всем телом на непослушный чехол, свертывает его, намертво привязывает к банкету. Оказавшийся поблизости Кабистов хвалит артиллериста, а потом по телефону выговаривает механику Козинцу за недосмотр:

- Вас не смущает, что сбережением вашего имущества вынуждены заниматься артиллеристы?

Подходят транспорты. Как договорились, они выстраиваются в кильватерную колонну, один за другим. "Беспощадный" идет впереди, в десяти кабельтовых от них, вычерчивая зигзаг: сначала поворот влево на шестьдесят градусов, потом на такой же угол вправо, и так без конца...

Закутавшиеся в мокрые дождевики сигнальщики и наблюдатели то и дело протирают глаза от едких соленых брызг и, напрягая зрение, всматриваются в бушующий простор.

Комиссар проходит по кубрикам. Матросы, свободные от вахт, отдыхают не раздеваясь. Некоторые прилегли на рундуки, даже не сняв с себя мокрых дождевиков: в любую секунду можно ожидать вызова наверх. В кубриках душно и полутемно. Иллюминаторы плотно задраены. В шторм здесь еще более

неприятно, чем наверху. Там хоть своими глазами видишь волну, успеваешь приготовиться к ней. Здесь удары ее неожиданны. Палуба под ногами валится то вправо, то влево. Устоять на ногах и даже улежать на рундуке не так-то просто. Впечатление такое, что корабль вот-вот опрокинется. Но люди не унывают. Завидя комиссара, они спешат к нему, засыпают вопросами. Их интересует все: и что творится на корабле, и что нового на фронте. Разговаривать не легко. Волны бьют в борт, кубрик гремит, как пустая железная бочка, когда по ней дубасят молотком. Но Бут и в такой обстановке умеет беседовать с людьми.

Обойдя кубрики, комиссар пробирается на камбуз. Надо как-то накормить матросов. Коки совсем сбились с ног. Из котлов и кастрюль все расплескивается, того и гляди, ошпарит. От первого пришлось отказаться: содержимое котла через несколько минут почти все оказалось на палубе. Кое-как приготовили гречневую кашу. Бачковые, проявляя чудеса акробатики, разнесли ее по кубрикам и боевым постам. Моряки поопытнее обрадовались ей, едят и похваливают, хотя она чуть недоварена и подчас порядком разбавлена морской соленой водой: бачкового захлестнуло волной, когда он бежал по верхней палубе. А матрос помоложе черпнет еду ложкой, лицо перекосится, позеленеет. И без того человека мутит от качки. Кончается тем, что зажмет матрос рот ладонью и бежит скорее на свежий воздух.

Тяжелее всего, пожалуй, машинистам. У котлов и турбин жара, воздух насыщен парами мазута и масла. Тут и в штиль несладко, а в качку - и говорить нечего. Вздымается, кренится блестящая как зеркало палуба, ноги скользят по ней, а ты и ухватиться ни за что не можешь: от жары все раскалилось как огонь. Улучив минуту поспокойнее, заглядываю в котельные и машинные отделения. Совсем ослабели ребята. Грязные, потные, измученные - жалко смотреть на них. Но подходишь - улыбаются, шутят, стараясь перекричать шум вентиляторов:

- Хорошая погодка, товарищ командир! Давно уже нас так не потряхивало!

Турбинисты меня даже закусить с собой пригласили. Оказывается, они притащили с камбуза сырую картошку, вложили ее в чайник, а к его носку подсоединили шланг, по которому пустили пар. Картошка получилась - объедение. Покидаю машинистов успокоенный: эти все выдержат.

По-прежнему идем зигзагом. Три минуты "Беспощадный" мчится навстречу ветру и волнам, то вонзаясь носом в воду, то вставая на дыбы. Следующие три минуты волны налетают на борт, словно пытаясь повалить корабль набок. Мачты на фоне

низко нависших облаков выводят огромные замысловатые дуги и восьмерки. Позади еле проглядывают в серой мгле транспорты. Временами их скрывают от нас гребни волн. В бинокль видно: по самые надстройки погружаются суда в пенящийся водоворот, но знай себе идут и идут вперед - тяжелые, медлительные и упрямые.

Пока все нормально. В штабе правильно предсказали: в такую погоду немцы носа не сунут в море. Для их авиации погода нелетная. Караван наш следует без всяких

происшествий.

Стемнело. Ночью еще оглушительнее кажутся свист ветра и удары волн. Приказываю прекратить всякое движение по верхней палубе. В такой кутерьме и не заметишь, как смоет за борт.

Где наши транспорты? Ходовых огней не включаем, переговоров по радио тоже избегаем. Берег близко, и совсем не хочется, чтобы нас засек враг.

В кромешной темноте прошли несколько часов. Наконец вдали робко мелькнул огонек.

- Товарищ командир, - сквозь шум ветра слышу доклад штурмана Бормотина, видны огни одесских маяков. Через три часа, или ровно в ноль-ноль, будем в Одессе.

И снова мы видим кровавое зарево над сражающимся городом. Отсвет пожаров отражается в облаках. Кажется, само небо раскалилось докрасна. Матросы не могут оторвать глаз от этой жуткой картины. Забыты усталость, тошнота и головная боль, вызванные изнурительной качкой.

Обмениваемся с транспортами сигналами с помощью затененного фонаря, подводим их к Воронцовскому маяку. В свете пожаров мы теперь видим суда. Один за другим, борясь с волной, они черными тенями скользят мимо нас.

Благодарю капитанов за отличное совместное плавание и желаю дальнейших успехов.

Мы в порт не заходим. Остаемся в зоне ожидания. На малом ходу еще сильнее швыряет нас на волне. Но похоже, теперь никто не замечает качки. Зарево Одессы заставляет моряков забыть о собственных невзгодах.

Берег просит огня

К рассвету море стало стихать. "Беспощадный" на малом ходу маневрировал в нескольких милях от берега. Около пяти часов утра, когда было еще совсем темно, с берегового корректировочного поста передали координаты цели значительного скопления автомашин и танков противника. "Враг готовится к атаке. Немедленно дайте огня!"- гласит радиограмма.

"Беспощадный" ложится на боевой курс. Штурман старший

лейтенант Бормотин спешно производит расчеты, сообщает командиру артиллерийской боевой части курсовой угол и дистанцию до цели, договаривается о точке, в которой корабль откроет огонь. На основе этих сведений центральный пост определяет данные для стрельбы. Старший лейтенант Ярмак поднялся в командно-дальномерный пост и не сводит глаз с секундомера.

Идем со скоростью десяти узлов. Намеченная штурманом точка приближается.

- Подходим! Осталось пять минут, - предупреждает Константин Иванович Бормотин.

Медленно поворачиваются орудия, устремляя стволы на невидимую цель.

- Осталось три минуты!

Ярмак приказывает зарядить орудия.

- Осталась одна минута!

Наводчики впились глазами в слабо светящиеся циферблаты приборов целеуказания, стараясь точнее совмещать стрелки.

- В точке! - Голос штурмана так громок, что разносится по всему мостику. И тотчас же из командно-дальномерного поста следует приказ Ярмака:

- По немецким захватчикам - огонь!

Яркие вспышки слепят глаза. Корабль вздрагивает. На мгновение мы глохнем от грохота, потом слышим удаляющийся шелест наших снарядов.

И сразу воцаряется мертвая тишина. Кажется, и турбовентиляторы стали шуметь меньше. Берега не видно в темноте, но глаза всех устремлены в сторону цели.

Радист, расположившийся с переносной рацией возле меня на мостике, передает на корректировочный пост: "Дали залп. Сообщите результаты".

Какими длинными иногда бывают секунды!

Слышу, Ярмак в который раз запрашивает, какая была установка прицела и целика. Понятно его волнение: на таком расстоянии чуть ошибись - и попадешь в своих.

Нечего греха таить, мне тоже не по себе, мечусь по мостику, выкуриваю папиросу за папиросой. Не выдержал, зашел в штурманскую рубку, рассматриваю карту. Штурман дрожащим голосом доказывает мне:

- Я проверил еще раз свои расчеты. Все правильно. Вот наше место, вот цель. Дистанция и курсовой угол точны.

Тут я спохватываюсь: смешно мы, наверно, выглядим со своими страхами. Надо самому успокоиться и людей успокоить. С улыбкой говорю старшему лейтенанту:

- И что вы так волнуетесь? Времени-то прошло совсем немного. А подсчитайте-ка: снаряды до. цели летели сорок одну секунду, потом корректировщики должны определить место их падения, величину отклонения и только после этого сообщить нам поправку. На все это время требуется. Будем ждать. И волноваться нечего...

С этими словами покидаю штурманскую рубку. На мостике все вопросительно смотрят на меня. Я как можно спокойнее расхаживаю, стараясь своим видом показать: все складывается как нельзя лучше! А у самого кошки на сердце скребут.

- Товарищ командир! - кричит обрадованно радист. - Корпост дает корректуру: "Один меньше, два право, переходить на поражение!"

Честное слово, не только люди - весь корабль вздохнул облегченно. Ярмак с высоты своей "голубятни" подает команды так, что в ушах свербит. Внеся поправки в установку орудий, артиллеристы открывают шквальный огонь с промежутками между залпами в шесть секунд.

"Бьете прямо в середину вражеской колонны, - радирует берег. - Хорошо стреляете. Молодцы!"

По боевой радиотрансляции передаю это сообщение по кораблю, чтобы все слышали. Правильно подсказали агитаторы. Сам сейчас убеждаюсь, как это воодушевляет людей. Матросы у пушек не жалеют сил. За несколько минут выпускаем по врагу полторы сотни снарядов.

С корпоста передают: "Прекратить огонь! Большое вам спасибо от красноармейцев и краснофлотцев. Вы прекрасно выполнили свою задачу. Немцы бегут!"

Когда зачитываю перед микрофоном эти слова, в ответ несется громкое "ура!". Кричат все: и те, кто на верхней палубе, и те, кто трудится во внутренних помещениях.

Между тем уже рассветает. Небо чистое, ясное. Не миновать налета вражеской авиации. Много насолил немцам "Беспощадный", попытаются отомстить ему.

А берег ставит новую задачу: открыть огонь по центру населенного пункта Гильдендорф, где замечено движение войск и техники противника.

Гильдендорф далеко. Чтобы снаряды долетели до цели, нам нужно подойти к берегу, к деревне Новая Дофиновка, где в лощине стоит уже знакомая нам немецкая батарея.

Корпост шлет одну кодограмму за другой, торопит с началом стрельбы. Включаю микрофон и зачитываю - пусть все слышат:

- "Немедленно открывайте огонь. Враг готовится к атаке. Просим вас, дайте огня, время не терпит!"

Вглядываюсь в лица товарищей, обступивших меня. Вижу, что все согласны: нужно помочь боевым друзьям. Приказываю:

- Штурман, прокладывайте курс ближе к берегу. Старший лейтенант Бормотин предупреждает:

- Опасно, товарищ командир, ведь там не только из орудий, но из минометов и автоматов могут нас обстрелять.

- Знаю, штурман. Но друзья надеются на нашу помощь, и мы обязаны помочь, чего бы это нам ни стоило.

Берег все ближе и ближе. Пока он молчит: видимо, немцы не хотят демаскировать себя раньше времени. "Беспощадный" подошел на нужную дистанцию, резко повернул вправо, лег на боевой курс, убавив ход. Штурман докладывает:

- В точке!

Производим пристрелочные залпы. Корпост фиксирует: "Хорошо!" Переходим на поражение. Матросы у орудий напрягают все силы. Паузы между залпами сокращаются до минимума. Корректировщики сообщают: "Снаряды ложатся в цель".

В это время заговорила немецкая батарея. Первые ее снаряды упали с большим перелетом. Но вот водяные столбы вырастают все ближе и ближе. Один снаряд разорвался у самого борта. По палубе и надстройкам опять застучали осколки. В посту энергетики легко ранило командира электротехнической группы инженер-лейтенанта Селецкого.

Приходится прервать выполнение задачи и перенести весь огонь по батарее противника. Но оказывается, мы до сих пор не знаем точного расположения ее орудий. Стреляем по вспышкам, а это далеко не надежный ориентир. Батарея продолжает стрелять, и довольно метко. Делать нечего. Ставим дымзавесу и тридцатиузловым ходом удаляемся в море. Корректировочный пост тревожно радирует: "Почему прекратили огонь? Дайте еще несколько залпов: наше положение очень тяжелое. Прошу огня. Тут ваши матросы, они просят помочь. Заранее благодарю за выручку".

Переглядываемся с комиссаром. По-видимому, и он сейчас вспомнил товарищей, которых мы проводили в морскую пехоту, и наше обещание о том, что всегда поможем им в тяжелую минуту.

- Давай, командир, - коротко бросает Бут. Приказываю штурману прокладывать курс к берегу.

- А ты, Тимофей Тимофеевич, - говорю комиссару, - объясни людям, что возле Гильдендорфа идут тяжелые бои. Там сражаются и наши товарищи, которые ушли защищать Одессу. Мы не можем не выполнить их просьбу.

Бут подошел к микрофону и обратился с горячим словом к матросам. В заключение сказал, что командование уверено в

стойкости и отваге экипажа.

"Беспощадный" приблизился к берегу и вновь открыл огонь. Тотчас за холмом полыхнули бледные зарницы - вражеская батарея начала бить по кораблю. Пока ее снаряды падали с недолетом, мы старались произвести как можно больше выстрелов. Матросы забыли об усталости. Несмотря на бешеный темп стрельбы, они успевали мелом писать на снарядах: "За нашу Советскую Родину!", "Смерть захватчикам!" Люди не обращали внимания на взрывы у борта. Никому и в голову не приходило, что эти взрывы могут повредить корабль, убить. Стрелять, стрелять и стрелять - одно желание было у всех.

С корректировочного поста сообщили, что у аппарата бывший радист нашего корабля Алексей Соловьев, он связным у командира батальона морской пехоты. Соловьев сам берется за ключ. "Наш славный корабль, - читаем мы, - сдержал свое слово, мы гордимся им. Спасибо вам!"

Снаряды противника рвутся у нас за кормой. Мы вражеских артиллеристов приучили к малым ходам, а теперь мчимся на полном. И все же взрывы близко от корабля. Осколком ранен матрос-химист, стоящий на корме у клапанов дымообразующей аппаратуры. Моряк вытаскивает из кармана перевязочный пакет, наскоро забинтовывает раненую руку и остается на своем боевом посту.

"Молодцы моряки, хорошо бьете! - хвалит берег. - Гитлеровцев с землей смешали!" У матросов эта радиограмма вызывает небывалый подъем. И когда я приказываю прекратить огонь, на меня смотрят с недоумением и обидой. Но иного выхода у нас нет. Показались вражеские самолеты. Поставив дымзавесу, отходим от берега, чтобы было больше простора для маневра.

Начинается бомбежка. Отбиваемся от самолетов 37-миллиметровыми автоматами и крупнокалиберными пулеметами, торпедисты, сидя на торпедных аппаратах, стреляют из винтовок. Оглушительный треск стоит в воздухе. Один из самолетов взял горку, чтобы потом пикировать на корабль, но вдруг лег на левое крыло, задымился и штопором пошел вниз. Я вижу, как ликуют матросы. Широко раскрывая рты, они что-то кричат, но голосов не слышно.

Безрезультатно сбросив бомбы и потеряв один "юнкере", вражеская эскадрилья скрылась за горизонтом.

А берег требует: "Открыть огонь по деревне Ильичевка".

Этот пункт тоже на большом расстоянии, опять нужно лезть под огонь немецкой батареи. Теперь стреляем по двум целям: главным калибром - по Ильичевке, средними пушками - по батарее противника.

Но со стороны моря заходит на нас новая группа "юнкерсов". Прервав огонь по берегу, вступаем в бой с ними. Помню наказ командующего эскадрой. Достаю часы и записную книжку. Но сейчас же сую их в руки лейтенанту Лушину:

- Записывайте, Владимир Васильевич.

Мне не до записей. Беспрерывно перевожу рукоятки машинных телеграфов, отдаю распоряжения рулевому. Нарастающий вой устремляющихся в пике самолетов, свист бомб, гром взрывов сливаются в оглушающую бурю звуков. "Беспощадный" то несется вперед, зарываясь носом в пену, то стопорит ход, поворачивает вправо, влево.

Нам везет. Ни одна бомба не задевает корабль. Сбросив свой груз, "юнкерсы" улетают.

В таком напряжении проходит весь день. К вечеру получаем приказ командующего Одесским оборонительным районом контр-адмирала Жукова. Из Одессы выходят три транспорта. Мы должны сопровождать их до Севастополя.

Верная наша союзница - непроглядная южная ночь опять выручает. Караван идет спокойно. Спускаюсь в каюту, анализирую свои записи и записи офицеров, вызываю сигнальщиков, чтобы уточнить отдельные моменты боя. Сопоставляю все эти данные с наблюдениями, почерпнутыми из предыдущих боев. Очень много интересного. Прав Владимирский - каждый бой изучать нужно.

Утром, как только прибываем в Севастополь, спешу в штаб эскадры. Владимирский так и набрасывается на мои расчеты. Записывает цифры, чертит схемы, сравнивает со старыми своими записями.

- Так, так... Сходится, понимаете ли? Значит, можно и некоторые выводы делать. А вы обратили внимание, какая шаблонная у них тактика?

Да, мы убедились, что фашистские летчики подходят к кораблю почти всегда на высоте четырех - пяти тысяч метров. Перед тем как лечь в пике, самолет делает "горку", на это уходит 10 - 15 секунд. Время нахождения в пике 14 - 18 секунд. После отрыва от самолета до падения в воду бомбы летят 7 - 9 секунд. Теперь взвесим возможности атакуемого корабля. Увидев, что самолет делает "горку", командир отдает приказание рулевому. После этого проходит секунд семь, пока корабль не начнет катиться в сторону переложенного руля. До падения бомб остается еще около тридцати секунд. За это время эскадренный миноносец пройдет по дуге кабельтов, а то и полтора, что вполне достаточно, чтобы уберечься от прямого попадания. Установили мы и то, что самолеты врага, как правило, заходят на корабль с

носовых и кормовых курсовых углов в 35 - 60 градусов. Следовательно, в момент когда самолет производит "горку", а это означает, что он уже прицелился, надо стремиться подставлять ему траверзные курсовые углы. Это путает расчеты фашистских летчиков. Причем мы заметили, что бомбы падают с большим рассеиванием. Не раз случалось, что на траверзных курсовых углах половина бомб падала со значительным перелетом, а другая половина - с таким же недолетом.

Владимирский достает из сейфа Наставление по уклонению от бомбардировочной авиации. Листает его. В документе ни слова о пикирующих бомбардировщиках. Всю тактику борьбы с ними еще предстоит разработать.

Командующий отложил Наставление, подошел к раскрытому иллюминатору. Мы уже изучили характер своего контр-адмирала. Теперь он ничего не слышит. На ваши слова будет односложно отвечать "ясно", "хорошо", не вдаваясь в смысл. Сейчас он отключился от всего окружающего и углубился в свои мысли.

Я поднимаюсь с кресла. Только тогда адмирал вспоминает о собеседнике. Благодарит за доклад, желает успеха.

- А я сейчас засяду опять за цифирь. Позарез нужно нам Наставление по уклонению от пикировочной авиации.

Попрощавшись с Владимирским, захожу к начальнику штаба эскадры капитану 1 ранга Владимиру Александровичу Андрееву. Тот тоже просит подробно рассказать о походе. Его особенно интересуют вопросы взаимодействия вражеской авиации с береговыми батареями. Расспрашивает, как осуществлялась у нас связь с корректировочными постами. Предлагает подумать, как лучше организовать прикрытие кораблей истребительной авиацией. С Андреевым беседовать легко. Забываешь, что перед тобой начальник. Увлекаясь, мы подчас жарко спорим, отстаивая свои точки зрения.

Начальник штаба закуривает трубку и неожиданно спрашивает:

- Хотите я вам стихи почитаю?

Он раскрывает тетрадь в клеенчатой обложке и читает.

Стихи теплые, трогающие за душу. Все о море, моряках - сильных и мужественных людях.

- Ну как?

- Прекрасные стихи, - отвечаю. - Чьи они? Молчит Андреев, улыбается.

- Неужели ваши? - догадываюсь я.

- Накропал вот между делом...

- Их обязательно напечатать надо.

- Рано. Подстрогать еще требуется, а времени нет. Да и

неудобно как-то печатать. Начальник штаба - и вдруг... стихи. Несолидно, правда?

Это здорово, когда люди вот так раскрываются с неожиданной стороны. Да, наш уважаемый начштаба писал стихи, причем хорошие, волнующие стихи. И скажу прямо, с этого дня я стал уважать его еще больше.

Планово-предупредительный

Командир пятой боевой части Козинец напомнил мне, что котлы наши проработали без щелочения уже в два раза дольше положенного срока. Необходим профилактический ремонт и другим механизмам. Добрый час Козинец перечислял неполадки, которые во что бы то ни стало надо устранить: греются упорный и опорный подшипники левой главной машины, ненадежно работает циркуляционный насос правой турбины, давно уже требует проверки масляная система. У нашего инженер-механика всегда так. В море его обширное хозяйство действует как часы, без малейшей претензии, но стоит прийти в базу, как Козинец начинает жаловаться: это плохо, то плохо; сам покоя не знает, подчиненным дела находит по горло да и меня теребит без конца. Что же, таким и должен быть инженер-механик. Механизмы "Беспощадного" потому и действуют безотказно, что у них такой беспокойный хозяин.

Выслушав его, я пообещал попросить командующего эскадрой предоставить нам время на планово-предупредительный ремонт. Вызвал других командиров боевых частей. Артиллерист, связист, штурман, помощник командира тоже заявили, что в их хозяйстве накопилось много неотложных дел.

Контр-адмирала Владимирского не пришлось упрашивать.

- Приступайте, - сказал он. - Чтобы успешно воевать, надо корабль содержать в образцовом порядке. Даю на ремонт восемь дней. Больше не могу: сами знаете, какая сейчас обстановка.

Состоялось открытое партийное собрание, на котором присутствовали почти все моряки экипажа. Ремонт корабля люди восприняли как боевую задачу. "Работать по-фронтовому!" - эта мысль пронизывала каждое выступление. Восемь дней - срок небывало короткий, но и он не устраивал нас. Собрание приняло решение - завершить ремонт за пять дней. Коммунисты будут на самых ответственных участках и покажут пример самоотверженного труда. И нужно больше работать с людьми, буквально с каждым. Ход ремонта решено широко освещать в боевых листках и радиогазете, в беседах агитаторов. Собрание призвало к бдительности, которая должна проявляться во всем: и в четкой организации службы, чтобы ничто не застало команду врасплох, и в пристальном контроле за качеством работ, и во

внимательном изучении настроений моряков.

Враг не гнушается любой подлостью, чтобы поколебать дух советских людей. Комиссар Бут привел на собрании настораживающий пример. Матрос Насыров принес ему письмо, полученное из дому. Странное письмо. В нем сообщается, что Москва якобы уже занята немцами, армия наша вся разбита. А в конце мать советует: "Бесцельно тебе, сынок, сражаться. Если ты жив, постарайся сохранить себя". Моряк, конечно, не поверил этому письму. Он пришел к комиссару поделиться своим подозрением. Мать неграмотная. Значит, всю эту пакость писала чья-то вражеская рука. Возможно, и другие моряки получают подобные панические письма. Надо усилить разъяснительную работу, неутомимо разоблачать вредные слухи, беспощадно относиться к их разносчикам.

Я внимательно слушал выступления. Радовало единодушие моряков. Коммунисты и беспартийные одинаково болели за общее дело. Можно было не сомневаться: люди приложат все силы, чтобы выполнить задачу в срок.

В эту ночь никто из офицеров не спал. Спешно готовили необходимую документацию, до мелочей продумывали организацию работ, составляли заявки на материалы и запасные части. Все сознавали предстоящие трудности. Идет война, каждую минуту можно ждать вражеского налета. Значит, ремонт надо производить так, чтобы корабль ни на миг не терял боеспособности.

В кубриках ночь тоже прошла беспокойно. Одни уходили, другие приходили, кого-то будили, о чем-то спрашивали, так как то требовалась справка о каком-нибудь механизме, то нужно было сходить на склад. Дневальные нервничали, злым шепотом ругали наиболее беспокойных, призывали к тишине. Но старания их были бесполезны.

Вызывают матроса или старшину к офицеру, моряк поспешно встает, одевается. Пытается делать все бесшумно. Но в жизни частенько так бывает: хочешь сделать как можно тише - и обязательно зацепишься за что-нибудь, споткнешься, свалишь какую-то вещь и поднимешь такой грохот, что сам замрешь от испуга. Дневальный ругается, ворчат проснувшиеся товарищи: безобразие, только уснул человек - его будят.

В офицерских каютах жара, духота. Иллюминаторы задраены (светомаскировка!), притока свежего воздуха нет. Жужжат настольные вентиляторы, но от них, кажется, становится еще жарче. Офицеры сидят в одних майках, и все равно пот струится по лицам. Вытрешься носовым платком - он сразу становится мокрым, хоть выжимай. Кто понаходчивее - повесил на шею

полотенце: его надольше хватает.

К утру подготовка к ремонту была закончена. Офицеры, не раздеваясь, прилегли отдохнуть.

Матросы, расписанные приборщиками по офицерским каютам, на цыпочках пробирались к иллюминатору, открывали его и сейчас же уходили, чтобы не разбудить уставшего командира. Шепотом цыкали на товарищей в коридоре:

- Тише! Ведь наш всю ночь работал, пусть хоть не много поспит.

Часа через полтора офицеры уже были на ногах. Надо было расставить людей, познакомить каждого с заданием. Кабистов за завтраком предупредил, что, если матросы появятся на палубе без дела, боцман будет безо всякого забирать их и ставить на общекорабельные работы - мытье и окраску бортов и надстроек. У боцмана дело всегда найдется.

Офицеры понимающе переглянулись. Помощник командира слов на ветер не бросает. Так и может случиться, что матросы окажутся в распоряжении боцмана, когда в подразделениях и так рук не хватает.

Матросы боцманской команды трудились в малярке на баке. Мичман Радюк решил заранее заготовить побольше краски, чтобы хватало на покраску всего корабля. Он то и дело подходил к надстройке, прикладывая к ее поверхности стекло с нанесенной на него свежей краской: подгонял колер. Нагнувшись над люком, приказывал подчиненным прибавить лазури или черни. Разведя краску, боцман оставил в малярке молодого матроса, а сам пошел пить чай. Откуда было знать нашему хозяйственному боцману, что многие только и дожидались этого...

Командир отделения первой машины старшина 2-й статьи Мисько, проводив глазами мичмана, сейчас же направился к малярке и очень вежливо обратился к молодому матросу:

- Можно у вас, как у специалиста, получить консультацию по малярному делу?

Польщенный первогодок страшно обрадовался. А Мисько уже просит его пройти на ростры, посмотреть на дымовую трубу: что с ней. делать? Соскоблить старую краску или оставить? Если соскоблить, то сколько потребуется после сурика и краски?

Не кто-нибудь, а старшина машинистов пришел на поклон к молодому матросу! Первогодок совсем нос задрал, строит из себя первоклассного знатока. Отошел от трубы подальше, глаз прищурил, потом достал шнур из кармана, начал измерять площадь окрашиваемой поверхности. Мисько помогает ему, почтительно расспрашивает, восхищается его глубокими знаниями.

Тем временем машинисты и артиллеристы хозяйничали в малярке. Вместительный бак с краской быстро пустел. На корабле знали, что никто лучше главного боцмана не умеет приготовить краску. Знали все и о скупости мичмана Радюка: сколько ни проси - все равно ничего не получишь. Вот и пришлось прибегнуть к этому, пусть не совсем благовидному, но зато самому надежному способу добычи драгоценной краски.

Попив чаю, главный боцман, вытирая с лица пот, в самом благодушном настроении шел на полубак и вдруг увидел, как из малярки выскочил матрос-машинист с котелком в руке. Радюк схватил котелок, взглянул на его содержимое и кинулся к малярке. Можно представить себе его неистовство, когда он обнаружил, что заветный бак пуст! Град проклятий посыпался в адрес "чумазых разбойников". Мичман тотчас же побежал к Кабистову, пожаловался на грабеж среди бела дня, попросил разрешения обойти машины и забрать краску. Помощник командира рассмеялся:

- Эдак нашего боцмана скоро разденут, а он и знать не будет.

На просьбу Радюка разрешить ему произвести обыск в машинных отделениях, чтобы отобрать краску, капитан-лейтенант ответил отказом и приказал разводить краску снова.

Во всех помещениях корабля без устали трудятся люди. Грязные, потные машинисты в тесном коридоре линии вала бьются над упорным подшипником сложным и точным устройством весом не в одну тонну. Скрежет и стук стоят в котельных отделениях. Сидя в топках и коллекторах еще не совсем остывших котлов, матросы сдирают скребками сажу и накипь. Эти и вовсе как трубочисты. Выглянет человек из люка - только белки глаз сверкают на черном лице.

Через каждые пятьдесят минут объявляется перерыв. Матросы бегом устремляются на полубак - покурить. Здесь в эти минуты шум, гам, смех. Матросы в который раз смакуют подробности того, как машинисты "увели" краску из малярки.

Кабистов, обойдя корабль, пригласил в свою каюту Козинца и принялся его упрекать за то, что он занимается только своими машинами, а о покраске кубриков, приведении в порядок корпуса, палуб, такелажа не заботится.

- Вы готовы на нас все взвалить, - парирует Козинец, - а ведь каждый должен заниматься своим делом. Кстати, вы говорите о покраске кубриков, а сами нам краски не даете. Наши матросы вынуждены воровать ее у боцмана. Нет, мы их не учим это делать, но сама обстановка заставляет.

Кабистов хотел что-то возразить, но махнул рукой:

- Все равно вас, механиков, не переспоришь!

Моя каюта помещается в надстройке, и ее иллюминаторы выходят на полубак, где слышен спор молодых офицеров, вышедших покурить. Командир группы движения инженер-лейтенант Хасик, конечно, на стороне своего начальника Козинца. Он рьяно начинает доказывать, что машинисты - самые добросовестные люди, они знают и любят технику и вообще пятая боевая часть - важнейшая на корабле. Вот сейчас по их, механиков, просьбе корабль встал на планово-предупредительный ремонт, а остальные подразделения только примазались к ним. Хасик вовсю расхваливает матросов-машинистов. Ведь чтобы любого из них допустить к самостоятельной вахте, его тщательно готовят, иногда даже флагманский механик проверяет знания матроса. После выпусти этого парня на кафедру - он целую лекцию сможет прочесть по механике и электротехнике. Да иначе и быть не может: ведь это же главная боевая часть, которая всех на корабле возит, кормит, поит, обогревает, освещает. Не напрасно пятую боевую часть зовут сердцем корабля.

Первым не выдерживает артиллерист Ярмак. Бросив папиросу, он перебивает Хасика и начинает доказывать, что главная боевая часть на корабле - это, несомненно, артиллерийская, о чем каждый ребенок знает.

- Не было бы артиллерии - и вас давно бы не существовало со всей вашей механикой. Кто ведет бой? Артиллерия! Кто сбил вражеский самолет? Артиллерия! Кому объявлена за это благодарность? Артиллеристам! Правда, механиков тоже похвалили, но только благодаря нам.

- Подождите, - останавливает штурман Бормотин расходившегося артиллериста. - Вы забываете, что первой боевой частью на корабле числится штурманская. Думаете, зря это? Что бы вы делали со своими пушками, если бы мы не довели корабль в заданную точку?

Я уже привык к таким спорам. Слушая их, невольно вспоминаю крыловскую басню "Пушки и паруса". Ясно, что не правы горячие головы. Да, пожалуй, офицеры не хуже меня знают, что на корабле все подразделения одинаково важны. Но вслушиваюсь в эти споры с удовольствием. Пусть спорят. Пусть каждый считает свою специальность самой главной, самой важной, самой лучшей. Это говорит только о любви к своему делу. Ничего плохого в том нет, наоборот, всему кораблю польза.

Конец спору положил комиссар Бут. Подошел к офицерам и сказал:

- А знаете, очень правильно вы здесь говорили. Все специальности у нас самые главные, и второстепенных лиц на нашем корабле нет. А раз так, значит, каждый должен вкладывать

в свое дело все силы и заботиться о том, чтобы не только он и его подчиненные, но и остальные подразделения действовали как можно лучше, чтобы все мы побольше помогали друг другу, работали как можно слаженнее...

Корабль посетил командующий эскадрой. Владимирский поинтересовался, как идет ремонт, обошел котельные и машинные отделения, командные пункты. Услышав, что моряки обязались произвести ремонт за пять дней, командующий спросил:

- А не отразится такая спешка на качестве работ? Смотрите, лучше на день-два задержаться, но сделать все как следует.

Мы с Бутом заверили его, что для опасений нет оснований. Люди всю душу вкладывают в работу.

- Вообще-то мне остается только приветствовать решение ваших моряков, сказал Владимирский. - Жду не дождусь, когда ваш корабль снова войдет в строй. Под Одессой дела плохи. Надо доставлять туда войска, боеприпасы, а из города вывозить мирное население. Транспортов у нас для этого хватает, а вот охранять их некому. Все эсминцы сейчас в море.

Вечером во время ужина я побывал в кубрике машинистов. Матросы тесно сидели за столом, ели торопливо, будто кто их подгонял. Но частенько ложки застывали на лету и опускались обратно в миску, потому что хозяева их вдруг прыскали со смеху, хватаясь за животы. Виновником был главный старшина Вакуленко. Он сидел на разножке возле стола и рассказывал веселые истории. Рассказывать он мастер. Такое завернет, что самого серьезного хохотать заставит. Я обратил внимание: в других кубриках во время еды всеобщая болтовня, шутливая перепалка. А здесь за столом слышен только голос главного старшины, прерываемый вспышками дружного смеха. Говорит один Вакуленко, остальные лишь слушают да на борщ нажимают.

- Хитер наш главный, - шепчет мне матрос-дневальный. - Сам говорит, говорит, а матросам не дает специально, чтобы не отвлекались и ужинали быстрее.

После ужина по распорядку дня положен отдых. Но матросы вернулись к разобранным механизмам. Вечером работать еще тяжелее. Корабль затемнен, значит, все иллюминаторы и люки задраены. Жара везде адская. А тут к тому же с освещением перебои. Корабельная электростанция не работает: дизель на ремонте, а с берега ток то поступает, то нет. Работы идут при аварийных фонарях. От них какой свет? Горе! И все-таки матросы трудятся.

В полночь мы с Кабистовым подытоживали сделанное за день. Я прислушался. В машинном отделении стучат. В чем дело,

ведь отбой давно сыграли? Пошли взглянуть. В первом машинном в тусклом свете аккумуляторного фонаря увидели склоненные фигуры матросов.

- Что вы здесь делаете? - строго спросил Кабистов. - Кто вам разрешил ночью оставаться?

Оторопели матросы, молчат. Из-за холодильника показался старшина Мисько.

- Товарищ командир! - говорит он мне. - Да если мы будем отдыхать, то не соберем в срок маневровый клапан. Вот закончим, тогда поспим.

В котельных отделениях мы тоже застали людей. Здесь готовятся банить котлы. Это самая трудоемкая работа. Каждую водогрейную трубку котла нужно очистить особой шарожкой на гибком шланге. А труб таких сотни, тысячи. Здесь командует младший политрук Носков. Объяснил он ночное бдение просто:

- Если не будем работать круглыми сутками, ремонт затянется на две недели... И потом, не можем мы от турбинистов отставать. Пусть лучше они за нами плетутся.

Меня разыскал лейтенант Галкин. Нужно проверить аппаратуру центрального артиллерийского поста. Раньше ее ремонт производился только на заводе. А сейчас в Севастополе и завода такого нет. Вызывать рабочих с другого завода? Но когда они доберутся сюда? Что делать?

- Справитесь? - спрашиваю офицера.

- Справимся.

- Вскрывайте!

Нелегко мне было произнести это короткое слово. Центральный автомат стрельбы сложнее и точнее любого часового механизма. Потому и пломбы висят на каждой коробке. Снимать эти пломбы в мирное время разрешалось только специалистам завода и то после соблюдения ряда формальностей. Теперь же в таинственных коробках копаются наши матросы, которые до этого даже не заглядывали в них ни разу.

Спать я не мог. Уже под утро спустился в центральный артиллерийский пост. Матросы подтянутые, строгие. Все в чистом рабочем платье. Из нагрудных карманов выглядывают кончики батистовых салфеток: только ими можно протирать шестеренки тончайших механизмов. Вход в помещение наглухо закрыт, чтобы ни пылинки не проникло снаружи.

Так шла работа день, второй, третий. Матросов, занятых на ремонте в ночное время, с трудом укладывали отдыхать днем. Проспав два - три часа, они вновь возвращались к механизмам.

Через пять дней корабль был готов к выходу в море. Командующий эскадрой, приняв мой доклад, приказал объявить

благодарность всему экипажу.

- Теперь вы должны опробовать механизмы? - спросил он. - Вот и хорошо. Выйдете сегодня в дозор.

Вечером по эсминцу вновь прозвучал сигнал "Корабль к бою и походу изготовить". На малом ходу вышли из бухты. Рядом со мной на мостике только Кабистов. Остальные офицеры все внизу: прослушивают механизмы, проверяют показания приборов. Мы на мостике тоже молчим, напрягая слух, стараясь по вибрации корпуса и шуму, доносящемуся снизу, угадать, все ли в порядке.

Даю средний, потом полный ход. На мостик поступают доклады: машины работают нормально, оружие в полной исправности.

Значит, воевать можно!

Снова и снова испытываем механизмы на разных режимах. Верхняя вахта тем временем всматривается в ночь. Ведь мы в дозоре, выполняем боевую задачу. Дозорная служба - особая. Состоит она в том, что корабль зорко контролирует заданный район, а в случае обнаружения противника сообщает о нем командованию, если нужно, вступает в бой, стремясь задержать врага до подхода подкрепления или пытаясь заманить его на наши минные позиции. Командир в дозоре рассчитывает курсы корабля так, чтобы обеспечить максимальную дальность обзора, используя и светлую часть горизонта, и лунную дорожку, и другие обстоятельства, облегчающие наблюдение. Рекомендуется чаще менять наблюдателей, чтобы избежать утомления глаз. Прежде чем наблюдатель выйдет на свой пост, его держат в затемненном помещении, чтобы глаза привыкли к ночному мраку.

Особое внимание уделяется светомаскировке. Корабль затемняется так, чтобы ни один лучик света не пробивался наружу, ни одна искра не вылетала из дымовой трубы. Идет борьба за бесшумность. До предела ограничивается хождение по верхней палубе, турбовентиляторы работают на малых оборотах.

Самая важная забота командира - о постоянной боевой готовности всего экипажа. К орудиям уже подан боезапас, расчеты - на своих боевых постах, они смогут открыть огонь по первому сигналу, не дожидаясь объявления тревоги.

Офицеры бесшумно обходят боевые посты, проверяя, как люди несут вахту. Приходится учитывать, что матросы устали за напряженные дни ремонта. Требуется огромная сила воли, чтобы сейчас в этой томительной тишине усталым людям сохранять бодрость.

Рядом со мной стоит молодой сигнальщик. Он облокотился на поручень, приставив к глазам ночной бинокль. Но когда я

присмотрелся, понял, что он спит. Стоит и спит... Снял его с вахты. В другое время строго наказал-бы, но сейчас не мог: парень несколько суток проработал без отдыха.

А ночь все темнее. В трех кабельтовых уже ничего не видно. Взглянул на часы. Всего два часа мы на позиции. Время течет мучительно медленно.

Вглядываясь в темноту, тихо разговариваем с Кабистовым. Помощник вдруг заинтересовался моей биографией. Такие часы располагают к откровенности. Даже суховатого, неразговорчивого человека, как мой помощник.

- Григорий Пудович, я еще в училище присматривался к вам. Почему вы так рано поседели?

Признаться, я чуть растерялся от этого вопроса. Чтобы собраться с мыслями, стал набивать трубку, протянул кисет Кабистову.

- Откуда, спрашиваете, седина? Жизнь нам с вами выпала нелегкая. У вас ведь, Алексей Николаевич, детство тоже было несладким. Ваш отец, насколько мне известно, погиб при штурме Зимнего. Большая семья осталась на плечах матери работницы ткацкой фабрики. Чтобы помочь ей, вы еще ребенком начали работать.

Учиться смогли уже после гражданской войны. А мое детство и вовсе было холодным и голодным. В четырнадцатом году отца угнали на фронт, семья осталась без кормильца, а была она большая - семеро детей мал мала меньше. Я подростком пошел в шахту, вывозил из штреков уголь на санках. Вы знаете что это такое? Запрягаешься в лямку и ползешь на четвереньках в темноте, духоте, пыли. Потом забойщиком стал. Долбишь целый день кайлом, а подрядчик заплатит тебе несколько копеек - и на обед не хватит.

Однажды нас завалило. Чудом остались живы. Напрасно ждали помощи. Хозяевам нужен был уголь, им невыгодно было бросать людей на спасательные работы. Мы сами себя отрыли, как кроты. Страшно было на нас смотреть: выходцы с того света. В этот день хозяин нам не заплатил ни копейки, так как мы не уголь добывали, а спасали свои жизни.

Вот так и жил. Уже при Советской власти узнал я, что такое школа. Сижу в первом классе с малышами. Те дразнят меня: "Папа!" Трудно было. Ходил раздетый, разутый, но учился. Советская власть не оставила в беде. Помогла стать человеком. Сейчас мы с вами на мостике боевого корабля. У нас высшее образование. Мы и наши семьи обрели настоящее счастье, его и отстаиваем в боях. Сражаемся за то, чтобы юноши наши больше никогда не седели в двадцать лет...

Утром "Беспощадный" вернулся в базу. Механизмы корабля работали безупречно. Эсминец был готов к выполнению новых боевых заданий.

В главной базе

Возвращение в базу для моряков всегда праздник. Война омрачила его. Севастополь теперь строг и суров. Улицы перегорожены баррикадами, изрыты траншеями. Прохожих мало. Люди трудятся на заводах или роют укрепления вокруг города. Все чаще налетают на Севастополь вражеские самолеты.

И все же, входя в севастопольские бухты, мы по-прежнему испытываем радостное волнение. На кораблях, стоящих у причалов, взвиваются сигнальные флаги: "Поздравляем с благополучным возвращением. Желаем дальнейших боевых успехов". Это нас приветствуют товарищи.

Семья моряков стала еще дружнее. Теперь и в базе мы почти не расстаемся с кораблем. На нем ныне проходит вся наша жизнь.

По вечерам офицеры эскадры собираются в кают-компании какого-нибудь корабля, дружески беседуют, вспоминают эпизоды боевых походов, делятся опытом, спорят. Душой и организатором товарищеских встреч выступает командующий эскадрой. Контр-адмирал Владимирский и бригадный комиссар Семин почти каждый вечер приглашают к себе на линкор командиров кораблей. Многое дают нам такие встречи. За чаем я как-то рассказал о смекалке наших зенитчиков:

- Во время отражения атаки вражеских самолетов так раскалились стволы орудий, что впору было прекращать стрельбу. И вдруг я увидел: матросы подтянули пожарные шланги и окатывают стволы пушек водой. Такой способ охлаждения орудий не предусмотрен инструкциями. Но в бою он помог, стрельба не прекращалась. А потом оказалось, что обливание водой увеличивает срок службы стволов. И все-таки сомнение мучит меня: вопреки инструкции действуем.

Командиры заинтересовались моим рассказом. А Владимирский с обычной своей прямотой заявил:

- Молодцы матросы. А инструкцию мы исправим.

Во время бесед крепко доставалось некоторым из нас, если в бою мы действовали неумело или плохо наладили службу на корабле. Не раз приходилось краснеть и мне. Однажды, вернувшись из похода, мы ошвартовались у стенки рядом с эсминцем "Бойким". Чтобы корабли не бились бортами, вахтенный офицер приказал вывалить кранцы - плетеные подушки, предохраняющие от ударов корпус корабля, да и забыл о них. Утром отошли от стенки, глядим: весь борт "Бойкого" увешан кранцами, а у нас ни одного нет. Командир "Бойкого"

капитан-лейтенант Годлевский стоит на палубе своего корабля, машет рукой;

- Не журитесь за кранцы. Были ваши - стали наши!

Возвращаться, когда уже получил "Добро" на выход, не принято. Так и пришлось расстаться со своим имуществом. Отчитал я Кабистова. Тот только виновато головой крутит:

- Сам не пойму, как получилось...

А получилось просто. Обходил Годлевский свой корабль ночью, а заодно и за соседом приглядывал. Выбрал момент, когда у нас на верхней палубе ни души не было, и приказал своему боцману отвязать наши кранцы и привязать их к леерным стойкам "Бойкого".

За чаем в присутствии командующего я шутя пожаловался на проделку Годлевского. Лучше бы не делал этого! Казалось, переборки огромной кают-компании линкора задрожали от смеха.

- Вот так вахтенная служба у вас! - послышались веселые голоса. -Глядите, в следующий раз Георгий Федорович и пушки у вас позаимствует.

А я готов был сквозь палубу провалиться. Утешился тем, что Годлевскому в тот раз тоже досталось, и не столько за историю с кранцами, сколько за лихачество. Неплохой командир Георгий Федорович, смелый, решительный, но горячий не в меру. Дай ему волю, он и швартоваться к стенке подходил бы на полном ходу. Сколько раз наказывал его за это Владимирский... Кранцы мне Годлевский вернул. Вообще-то мы с ним друзья. Всех командиров эсминцев связывает крепкая дружба, каждый помогает товарищу, чем может, а в бою любой из них жизни не пожалеет, чтобы выручить соседа. Но это не мешает хорошему, полезному соперничеству. Какой командир не старается, чтобы его корабль был лучшим?

Связь Крыма с остальной страной осуществляется с трудом. Вот-вот немцы перережут железные дороги. Наши морские пути находятся под беспрерывными ударами фашистской авиации. Командующий Черноморским флотом вице-адмирал Ф. С. Октябрьский, Военный совет флота, городской комитет партии призвали моряков и население Севастополя мобилизовать для нужд обороны все местные ресурсы. В городе оборудуются подземные мастерские для ремонта и изготовления оружия. Ценой огромных усилий поддерживается деятельность Морского завода, ремонтирующего боевые корабли.

Вражеские бомбежки разрушают цеха. Люди гибнут у станков. Рабочие под бомбами восстанавливают разрушенное. Завод не останавливается ни на один день.

Теперь и в базе мы чувствуем себя в бою. Расчеты зенитных

орудий сутками не уходят с боевых постов, то и дело открывая огонь по вражеским самолетам. Весь экипаж находится в постоянной готовности. Моряки не сходят с кораблей. И то, что они теперь всегда вместе, еще больше сплачивает их. Офицеры стали ближе к матросам, проводят с ними все время. Командира подразделения редко застанете в каюте. Он или на палубе, или в кубрике, или на боевом посту всегда среди подчиненных. Офицер врос в матросскую семью. Это большое дело. Крепче стала дисциплина, выше командирский авторитет. Матросы всем сердцем привязались к своим начальникам, готовы идти за ними в огонь и в воду. О чем еще может мечтать командир?

Время, свободное от вахт, моряки проводят вместе. Возникают задушевные беседы. Все чаще в кубрике или на юте звучат музыка, песни. Никогда еще у нас не была так развита самодеятельность. Даже меня увлекает общий поток. Упросят ребята - беру баян, играю, пою вместе с ними. Не пострадает ли от этого мой авторитет? Уверен, что нет. Близость к подчиненным никогда еще не вредила командиру.

Однажды после ужина меня разыскал Козинец. Инженер-механик выглядел торжественно и важно.

- Товарищ командир, приглашаем на концерт пятой боевой части.

- Где выступаете?

- На полубаке.

- Обязательно приду.

После ухода Козинца комиссар недовольно сказал мне:

- Самочинствуют машинисты. Не захотели согласовать со мной программу концерта. Секрет, говорят.

- А может, и не стоит каждый раз согласовывать? Матросы наши - народ с головой. С чепухой разной на сцену не полезут.

- Так-то так, но контроль нужен.

Он продолжал ворчать и усаживаясь на банку среди других зрителей. Возле самого гюйса - носового флага - выстроился хор. Руководитель его, старший инженер-лейтенант Селецкий, повернулся к зрителям и объявил:

- Песня об эсминце "Беспощадном"!

Матрос Чередниченко растянул мехи баяна. Полилась знакомая мелодия популярной песни "Броня крепка и танки наши быстры". Все недоуменно переглянулись. Но вот запели солисты хора. Слова были не о танкистах, а о моряках нашего эсминца.

Приказ был прост и каждому был ясен:

Громить врага, Одессу отстоять,

Огнем могучих дальнобойных башен

В боях морской пехоте помогать.

Хор грянул припев:

Шуми вода, разбитая винтами,
Уходим в дальний боевой поход.
Смелей вперед! Вся Родина за нами,
Она нас в бой, на подвиги зовет!

И снова голоса солистов:

Крепись, Одесса, день придет отрадный.
Мы отстоим родные берега.
К тебе спешит эсминец "Беспощадный"
Разить насмерть заклятого врага.

Я оглянулся. Завороженные, слушали матросы. Бут уставился широко открытыми глазами на певцов, и на лице его было и удивление, и восхищение. Хор пел все дружнее. Вновь рожденная песня плыла над притихшей бухтой. На палубах соседних кораблей сгрудились моряки: тоже слушали. А песня рассказывала о том, как "Беспощадный" вступал в поединки с вражескими батареями, как снаряды его мешали с землей фашистскую пехоту и танки, как, сбитые зенитками моряков, два самолета со свастикой на крыльях нашли свой конец на дне Черного моря.

Я не разбираюсь в тонкостях поэзии. Может, слова песни были не особенно складными. Но это была наша песня, о нашем "Беспощадном", о нас! Уже поэтому она сразу завоевала матросские сердца. И вот припев подхватывают многие десятки голосов:

Шуми вода, разбитая винтами,
Уходим в дальний боевой поход.
Смелей вперед! Вся Родина за нами,
Она нас в бой, на подвиги зовет!

Были и такие слова:

Не сломят нас ни бомбы, ни невзгоды,
Неотразим и точен наш удар.
Ведь с нами смелый командир Негода
И с нами Бут - наш славный комиссар.

- Ну, это зря! - вспыхнул Бут. - Всю песню испортили. Заставлю выбросить! (Скажу заранее: не сумел этого сделать Тимофей Тимофеевич, Ни одной строчкой не поступились матросы.)

Заканчивалась песня заверением, что враг будет повержен, а "Беспощадному" - жить века.

С увлечением пели матросы. Селецкий, радостный, сияющий, дирижировал огромным хором. Когда песня закончилась, раздались крики:

- Повторить!

- Автора! Автора на середину! Давай сюда автора! Селецкий вывел за руку смущенного матроса Сергеева. Комиссар вскочил и кинулся к сигнальщику:

- Спасибо, Сергеев! Матросы не умолкая кричали:

- Браво Сергееву! Молодец, Сергеев! Ура! Растроганный Бут вернулся на свое место.

- Ну как, прошла обида? - спросил я его.

- Какая обида?

- А то, что тебя с программой концерта не познакомили?

- Ну и хитрецы же, черти!

Над бухтой снова гремела песня о "Беспощадном". Строго говоря, концерт был сорван, потому что остальные номера программы так и не были показаны. Матросы без конца просили повторить песню и пели ее самозабвенно.

...Корабли и в базе не стояли без дела. Командующий эскадрой требовал, чтобы время стоянки использовалось для напряженной учебы. Корабли выходили на стрельбы. Мы тоже получили возможность попрактиковаться в стрельбе по морской цели. Учение проводилось со всеми предосторожностями. Над нами барражировали два наших истребителя, мы держали наготове все зенитки - на случай если покажутся вражеские самолеты. Щит буксировал "Бойкий". Годлевский, конечно, тянул его на полном ходу и маневрировал так, что дальномерщики еле успевали держать цель в прицеле, Отстрелялись мы отлично. Годлевский с придирчивостью соперника проверял щит. Насчитал шесть пробоин.

- Подходяще! - заявил он, и в голосе послышалась зависть.

Десант

С каждым днем защитникам Одессы становилось тяжелее. Вражеское кольцо сжималось. Противник не жалел сил, чтобы овладеть городом. Бои под Одессой отвлекали много его войск, срывали планы немецкого командования.

Черноморский флот делал все возможное, чтобы помочь осажденному гарнизону. Не было дня, чтобы под Одессу не пробивались корабли. Они поддерживали наши войска огнем, доставляли пополнение, боеприпасы, продовольствие.

Чтобы помочь защитникам города, советское командование решило высадить морской десант в тылу противника возле деревни Григорьевка. Место высадки было выбрано не случайно. Фашисты превратили район Григорьевки, Новой и Старой Дофиновки в мощный опорный пункт. Здесь стояли артиллерийские батареи, своим огнем разрушавшие город и обстреливавшие порт.

Моряки готовились к десанту тщательно и всесторонне. Десантные войска скрытно отрабатывали посадку на корабли и высадку с помощью мелких плавсредств. Бойцы учились штурмовать побережье, делать проходы в заграждениях, быстро окапываться, стремительно наступать и стойко обороняться. Подготовкой десантных войск руководил контр-адмирал Сергей Георгиевич Горшков.

Проходили учения на кораблях и в штабах. Внимание командиров кораблей особо обращалось на организацию

артиллерийской поддержки высадившемуся десанту.

Вечером 21 сентября крейсеры "Красный Кавказ" и "Красный Крым", эскадренные миноносцы "Бойкий" и "Безупречный" приняли на борт 2-й полк морской пехоты, сформированный в основном из добровольцев с кораблей, и взяли курс на Одессу.

"Беспощадный" тоже участвовал в операции. Днем я получил приказание командующего флотом не позже двадцати трех часов 21 сентября доставить в Одессу три транспорта с войсками, техникой, боезапасом и бензином. Поход наш преследовал двоякую цель: отвлечь на себя внимание противника и дать подкрепление гарнизону.

Транспорты, уже погруженные, поджидали нас в бухтах Джарыгач и Ярылгач. В 13.00 эсминец подошел к ним и поднял сигнал "Буки" (сняться с якоря). Я передал семафором распоряжение о походном ордере, скорости и курсе. "Беспощадный" занял место в голове строя. Через несколько минут транспорты выравнялись в кильватерную колонну, и. караван наш тронулся в путь.

Мы не успели пройти и нескольких миль, как раздался доклад сигнальщика Сергеева:

- Справа тридцать вижу шесть самолетов, идут курсом на нас!

По привычке перевожу рукоятки машинного телеграфа на "самый полный вперед", объявляю боевую тревогу и приказываю передать транспортам, чтобы уклонялись от атаки самолетов. По моему сигналу суда отворачивают в разные стороны: первый и третий - вправо, второй - влево. Мы уже слышим свист бомб. Круто разворачиваю корабль. Взрывы грохочут за кормой. Пенный водопад обрушивается на палубу. Зенитки "Беспощадного" бьют на полной скорострельности, стремясь стеной заградительного огня закрыть самолетам дорогу к транспортам. Артиллеристы транспортов (во время войны на всех судах установили зенитные орудия) тоже ведут стрельбу. Фашисты не выдерживают: самолеты сбрасывают бомбы раньше срока и уходят из зоны огня. С транспортов поступают доклады: повреждений и жертв нет. Караван вновь строится в кильватерную колонну и следует своим курсом. "Беспощадный" противолодочным зигзагом идет впереди.

Солнце стояло в зените, когда старшина сигнальщиков Куксов доложил мне, что нас нагоняет эсминец "Фрунзе" под флагом командующего эскадрой.

- Поднимите сигнал "Желаю счастливого плавания", - распорядился я.

"Фрунзе" вскоре скрылся за горизонтом. А я все смотрел ему вслед и ломал голову: почему Владимирский идет на "Фрунзе"? А где остальные корабли? Неужели отменили высадку десанта?

Может, контр-адмирал вышел раньше, чтобы уточнить обстановку на месте? Ведь это ему поручено командовать высадкой десанта.

Наступили сумерки. Идем по фарватеру: справа Тендровская коса, слева минные поля. Отказываюсь от зигзага, приказываю как можно точнее выдерживать курс: достаточно небольшой ошибки - и взорвешься на своих же минах.

- Слева сто семьдесят... два крейсера и два эсминца на полном ходу обгоняют транспорты! - слышу голое сигнальщика.

Обмениваемся позывными. Это корабли с десантом. Значит, операция осуществляется. Мне захотелось петь от радости. Достал трубку, с удовольствием закурил. Могучие корабли промчались мимо.

Наш караван медленно следует своим курсом. Стемнело. Над морем тишина, покой.

Но война не стихает ни на минуту. Она напоминает о себе подчас самым неожиданным образом. На мостик ко мне поднялся шифровальщик, подал радиограмму. Читаю - и сердце сжимается. Радиограмма командующего флотом Октябрьского сообщает, что эскадренный миноносец "Фрунзе" потоплен авиацией противника. Судьба контр-адмирала Владимирского и экипажа корабля неизвестна. Руководство высадкой десанта возложено на контр-адмира(ла Горшкова.

Вот тебе и тишина! Невольно оглядываюсь. Вон там, с правого борта, совсем недавно мы видели эсминец под флагом командующего эскадрой, обменялись с ним приветствиями, пожелали счастливого плавания друг другу. Трудно поверить, что уже нет красавца корабля, что нет в живых нашего строгого и добродушного адмирала, многих боевых товарищей, с которыми еще сегодня утром мы разговаривали, беззаботно шутили...

Штурман Бормотин докладывает, что идти до Одессы осталось один час. Смотрю на часы. Двадцать два ноль-ноль. Придем вовремя, если ничего не случится. В бинокль вглядываюсь в даль. Город без огней кажется мертвым. Паутина трасс исчертила небо над ним. Во мраке мигают вспышки орудийных выстрелов.

Мы у ворот порта. У Воронцовского маяка стопорю машины. С помощью сигнального фонаря прощаюсь с капитанами. Стоим у маяка, пока последний транспорт не скрывается за молом. По радио докладываю командующему оборонительным районом о выполнении задания. Тотчас получаю новое: в двадцать четыре ноль-ноль быть в районе высадки десанта и открыть огонь по вражеским тылам, координаты такие-то. Цель - отвлечь от десанта внимание противника.

Ночь необычайно темная. И небо и море словно залиты

тушью.

- Удачное время для высадки десанта, - говорит Кабистов.

- Запросите боевые посты: все ли готово?

- Так точно, все готово, - заверяет помощник. - Ждут только сигнала

Яркий свет ударил в глаза, раздался грохот.

- Что это? Взрыв?

- Гроза, - спокойно поясняет Кабистов.

Оказывается, в природе, кроме войны, все еще существуют и обычные грозы. С темного неба падают редкие крупные капли. Сняв фуражку, подставляю под них разгоряченную голову.

В полночь в корабельном вахтенном журнале появляется запись: "В 23.59 крейсеры открыли огонь осветительными снарядами, одновременно начав обработку берега. В 24.00 по сигналу с крейсера эскадренный миноносец "Беспощадный" открыл огонь по скоплению войск противника".

Сухая короткая запись. А как много скрывается за ней! Она говорит о том, что флот наш действует, высаживает боевой десант на берег, занятый врагом, преподает фашистам урок, который они надолго запомнят.

Мне эта картина врезалась в память на всю жизнь. Беспрерывные молнии орудийных залпов прогнали ночь. Гром мощных крейсерских орудий, частые выстрелы пушек миноносцев сотрясали море. Над берегом ослепительными шарами падали и снова возникали осветительные снаряды, заливая все вокруг дрожащим, переливающимся светом. А внизу, под этими страшными люстрами, кипела, клокотала земля. Языки пламени взмывали ввысь, и вместе с ними взлетали черные дымные фонтаны.

Моряки молча, сосредоточенно работали у пушек, В считанные минуты" "Беспощадный" выпустил более сотни снарядов.

Немцы были ошеломлены. Они даже не стреляли в ответ. А на берегу уже пылали пожары. В их кровавом отблеске показались движущиеся черные фигуры. Десантники высадились на берег и уходили все дальше и дальше.

А потом все стихло. Замолчали орудия кораблей, непроглядная темнота вновь укрыла море. С берега доносилась далекая винтовочная стрельба, хлопки ручных гранат. Десант развивал наступление.

Крейсеры, высадив морскую пехоту, снялись с якорей и взяли курс на Севастополь. Для поддержки десанта огнем остались эскадренные миноносцы "Безупречный", "Бойкий" и "Беспощадный".

На рассвете командир десантного полка попросил огонька. Мы выпустили несколько десятков снарядов по танкам и машинам противника.

В восемь часов утра стало известно, что десант прочно закрепился и успешно продвигается вперед. Берег от Григорьевки до Одессы очищен от врага. Захвачено много трофеев и пленных. Корабли теперь могут свободно входить в порт.

Это крупная победа. В дни, когда с фронтов поступали безрадостные сводки о новых оставленных городах и селах, о тяжелых кровопролитных боях на всех направлениях, успех нашего десанта, пусть и небольшого по своим масштабам, не мог не радовать. Офицеры на мостике крепко пожимают друг другу руки. Матросы на боевых постах тоже ликуют. Словно и не было бессонной, изнурительной ночи.

Прохожу на полубак. Старшина 2-й статьи Рыбаков, командир первого орудия, собрал вокруг себя свой расчет, о чем-то беседует. Завидя меня, встает и спрашивает:

- Товарищ командир, а ведь пехотинцам там, на берегу, потруднее, чем нам?

Спрашивает, а в глазах лукавые искорки. Парень себе на уме: хочет, чтобы я лишний раз похвалил матросов. Иду навстречу его желанию:

- Не будем судить, кому труднее. Главное - дружно врага колотить. Вот вы сегодня хорошо воевали. Молодцы! А насчет трудностей - сейчас всем трудно. Мне почему-то думается, что легче всего на войне тому, кто сам врага бьет. Мы, например, наносим удары или отбиваемся от них и сразу видим результаты. Рабочим куда хуже. Враг бомбит их, а им и ответить нечем. Об обстановке на фронте они знают только по газетам и радио. Слушают сводку да думают: далеко ли это от их города, не прорвется ли враг? И еще они думают о тех, кто на фронте, о сыновьях, отцах и братьях: живы ли они, каково-то им сейчас, когда немец так и прет? А тут находятся среди нашего брата такие, которым лень два словечка домой черкнуть. Вообще мы мало думаем о тех, кто трудится в тылу. А ведь это руки старых рабочих и женщин изготовили снаряды, которые мы шлем на головы врагов, дали нам одежду, питание - все, что необходимо в бою. Весь народ воюет вместе с нами. Именно потому мы сильны и непобедимы.

Кивнул в сторону берега:

- Десант успешно продвигается вперед. На приморском участке он уже соединился с частями Одессы. Здесь вот берег уже очищен от противника. Помните, сколько хлопот нам доставляли батареи, которые стояли у Новой и Старой Дофиновки? Теперь

мы идем возле самого берега, и ни один снаряд не падает вокруг корабля. Эти немецкие батареи сейчас в руках наших десантников. - К сожалению, вот только в воздухе фашисты еще хозяйничают. Они попытаются отплатить нам за свои неудачи.

- Ничего, не впервой нам воевать с их "юнкерсами".

- Зорко наблюдайте за воздухом, - распорядился я. - Самое страшное - быть застигнутыми врасплох.

А враг уже тут как тут. Едва я зашел на мостик, послышался возглас сигнальщика:

- Слева самолеты противника!

Дальше начался счет: один, два... четыре... десять... двенадцать!

Но что это? Куда они летят? Ни один из самолетов не повернул в нашу сторону. Не привыкли мы к такому "пренебрежению". Не было случая, чтобы фашистские летчики оставили в покое наш корабль. Я слежу за направлением их полета, и догадка пронизывает мозг. Мористее нас находится "Безупречный". Это его избрали своей жертвой фашистские бомбардировщики. На полном ходу мы мчимся на выручку боевых друзей.

- Следить за "Безупречным" и воздухом! - приказываю сигнальщикам.

Мы видим, как стойко отбивается советский эсминец. Стрельба его зениток сливается в сплошной рокот. Небо на пути вражеских самолетов усеяно хлопьями разрывов.

Моряки "Беспощадного" всегда гордились скоростью своего корабля. Свыше тридцати узлов - без малого шестьдесят километров в час - скорость курьерского поезда. Но сейчас мы злимся: кажется, что он тащится, как черепаха. Даже огня открыть не можем: все еще далеко мы от места боя.

- Как "Безупречный"?

- Ничего не видно, - отвечают с сигнального мостика. - Дым и огонь!

Действительно, эсминец скрылся в громадном буром облаке. А самолеты все пикируют и пикируют на него. Мы приближаемся к бурому облаку, когда отбомбился и улетел последний "юнкере". Медленно рассеивается дым. "Безупречный" стоит неподвижно, сильно накренившись. Сквозь дым замелькали флажки. Читаю сам и приказываю сигнальщику читать семафор вслух:

- Прошу подойти и взять на буксир. Своего хода не имею.

Подходим кормой к носу "Безупречного". Кабистов руководит матросами на корме. Они быстро заводят буксирный конец - тяжелый стальной трос. Все свободные матросы на верхней палубе. Каждый старается хоть чем-нибудь помочь. Мы видим,

как моряки поврежденного корабля борются с огнем, заводят пластырь, выносят из внутренних помещений предметы и складывают их на левый борт, стремясь уменьшить крен. Но "Безупречный" все больше валится на борт. На полуразрушенном мостике распоряжается командир капитан-лейтенант Буряк. Петр Максимович без фуражки, в порванном реглане, лицо черное от копоти. В мегафон спрашиваю его, какую еще могу оказать помощь. Может, аварийную команду прислать? Петр Максимович тоже подносит ко рту рупор, отвечает:

- Кажется, уже сами управились. Крен остановили. Прошу малым ходом буксировать в Одессу.

Приходится соблюдать величайшую осторожность. Случайный рывок - и поврежденный корабль опрокинется. На поворотах перекладываем руль не больше пяти - семи градусов. Идем самым малым ходом.

Все время поглядываю на небо. В любую минуту жди появления "юнкерсов". Зенитчики сидят на местах. В случае вражеского налета будем защищать и себя, и поврежденный корабль.

Томительно тянется время. Сумеем ли спасти "Безупречный?" Этот корабль нам сейчас дороже жизни. Так всегда чувствуешь, когда товарищи попадают в беду и только ты их можешь выручить. В этом и сила боевой дружбы, и все ее вдохновляющее значение.

А море сияет как зеркало. В небе ни облачка. Берег еле-еле виден.

"Беспощадный" медленно тянет накренившийся "Безупречный". Так бережно здоровый боец ведет раненого товарища, ведет медленно, боясь причинить ему боль, не замечая при этом, что пули свистят вокруг. Таков уж закон на войне требование устава и совести.

Над мачтами эсминца, гудя моторами, проносятся два маленьких самолета. Наши истребители И-16. Все облегченно вздыхают, улыбаются. Теперь "юнкерсы" не так страшны. Ястребки набирают высоту и крохотными точками кружат в бездонном небе.

Подходим к воротам Одесского порта. Навстречу спешит небольшой пароход буксир. Передаем ему "Безупречный". Когда покидаем поврежденный корабль, на его склоненных реях взвивается гирлянда разноцветных флагов - сигнал "Благодарю за оказанную помощь. Желаю вам наилучших боевых успехов".

Мы полным ходом возвращаемся в прежний район. Десант снова просит поддержать огнем.

Живучесть корабля

Бомбы рвутся на полубаке

Приказание открыть огонь по берегу я получил, когда мы еще буксировали "Безупречный". Сейчас спешим наверстать упущенное время.

Наши десантники прижали немцев к Дофиновскому лиману - обширному мелководному соленому озеру. Чтобы спасти свои шкуры, фашисты наспех соорудили через лиман переправу и перебираются на другой берег. Наша задача - сорвать переправу.

"Беспощадный" приближается к берегу и открывает огонь. Местность здесь ровная, просматривается далеко. Мне с мостика видно, как снаряды нашего первого залпа поднимают четыре водяных столба в центре лимана, вблизи узкой ленты понтонного моста. С берегового корректировочного поста передают: "Бьете в цель. Прибавьте огонька!" Выпускаем еще несколько снарядов. "Снаряды ложатся хорошо, - радирует берег. - Больше один, право два. Дайте еще огня!" Следующим залпом накрываем переправу. "Хорошо! - радуется берег. - Мост разорван. Фашисты плавают в лимане! Больше огня!"

Комиссар Бут включил радиотрансляцию. Корректуру с берега теперь слышно на всех боевых постах корабля. Артиллеристы, воодушевленные удачей, прибавили темп стрельбы. На стволах орудий уже сгорела краска, они почернели.

В паузы между корректурами комиссар поясняет морякам значение происходящего:

- Переправа разрушена. Значит, немцы отрезаны, им ничего не остается, как сдаваться в плен. Они хотели побывать в Одессе. Что ж, их желание сбылось. Они пройдут по Одессе, пройдут строем, но только под охраной наших бойцов. Вы представляете, какой подъем будет у жителей Одессы, когда они увидят сотни пленных гитлеровцев! Надо бы побольше поводить по Одессе этих вояк. Пусть на них смотрит народ. И пусть сами немцы увидят, в какую пропасть завел Германию Гитлер!

Увлекся Тимофей Тимофеевич, разволновался, глаза так и горят. Слышат его все: наступил перерыв в стрельбе и даже полуоглохшие от грохота комендоры ловят сейчас слова комиссара. Когда он замолкает, несется громкое матросское "ура!".

И вдруг я услышал оглушительный свист. Что такое? Гляжу вниз. На торпедном аппарате сидит верхом матрос Сутырин, заложил в рот два пальца и свистит что есть духу, а свободной рукой в сторону показывает.

Торпедист первым заметил показавшиеся из-за горизонта вражеские самолеты. Гуськом, один за другим, они словно выползают из воды. Цепочка их становится все длиннее. Мы

насчитали двадцать шесть черных крестиков. "Ну держись!" промелькнула мысль.

Берег все просит огня. Но пришлось прекратить стрельбу. В стороне от нас эсминец "Бойкий". Полным ходом иду к нему: вдвоем отбиваться легче. "Юнкерсы" уже разделились: пять повернули к "Бойкому", остальные мчатся на нас. Открываем стрельбу по самолетам и начинаем маневр отклонения. Зарываясь носом в воду, "Беспощадный" чертит крутую дугу. Первый самолет срывается в пике. Не свожу глаз с него, а затем слежу за сброшенными им бомбами. Заметив, что они падают впереди по курсу, рывком останавливаю корабль, дав машинам задний ход. Взрывы грохочут впереди, по сторонам. А тут уже другой самолет сбросил свой груз, третий, четвертый. Для меня сейчас ничего не существует, кроме устремляющихся на нас "юнкерсов", машинного телеграфа и фигуры рулевого, передвигающего по моим указаниям рычаг манипулятора. Только бы увернуться от прямого попадания! Поворачивая рукоятки машинного телеграфа, сжимаю их так, что рукам больно. А кругом свист, рев, грохот.

Бой идет недалеко от берега. На крутом обрыве столпился народ - жители курортного местечка Аркадия. Затаив дыхание люди наблюдают за неравной борьбой одного корабля против двух десятков бомбардировщиков.

Порой водяные столбы и дым совсем скрывают эсминец от глаз наблюдающих... Но вот корабль снова показывается целый и невредимый, и тогда радостные крики толпы перекрывают канонаду, грохот взрывов и яростное завывание авиационных моторов.

На выручку к нам спешит советский истребитель. Всего один! Но какие чудеса он совершает на наших глазах! Храбрейший человек управляет им. Он без страха бросается в гущу вражеских машин. Злой, неудержимый, он носится среди них, и они шарахаются от него, не могут удержаться на боевом курсе. Как бы я хотел узнать имя этого крылатого богатыря, от всей души пожать ему руку!

Фашистские летчики неистовствуют. Упорство советского корабля выводит их из себя. Они начинают пикировать группами с двух, трех направлений одновременно, сбрасывают бомбы и при этом строчат из пушек и пулеметов. Пули стучат по палубе. В один из таких моментов, видя, что "юнкерс" пикирует прямо на мостик, Кабистов силой отрывает меня от телеграфа и заталкивает под выступ командно-дальномерного поста. Это спасает мне жизнь. Пулеметная очередь рассекла палубу мостика как раз там, где я только что стоял. Разлетелось в куски стекло машинного телеграфа. Не успевает Кабистов выпустить мои

плечи из рук - я опять у машинного телеграфа. Рядом со мной стоит вахтенный офицер лейтенант Лушин. Четко, спокойно докладывает:

- Пролетели! Падает справа! Слева! Пикируют два самолета справа! Слева! Сзади падают бомбы...

Спокойствие Владимира Васильевича поразило меня. Откуда такая выдержка у молодого офицера? Я просто не видел тогда других. В этот момент смертельной борьбы все люди экипажа проявляли невиданное бесстрашие.

Рулевой матрос Рыков под пулями и осколками точно и уверенно выполняет мои команды. Зенитчики продолжают стрелять. Матросы аварийных групп гасят пожары и устраняют повреждения, не дожидаясь команд. В горячке боя некогда, да и некому, подсказывать, каждый сам выполняет то, что ему положено.

Корабль, уклоняясь от бомб, выписывает восьмерки И зигзаги. На палубе ад. От близких разрывов масса воды обрушивается на людей, осколки барабанят по надстройкам, пробивают стальные листы дымовой трубы, сдирают брезентовые обвесы, где они еще сохранились.

Прорвавшись сквозь наш заградительный огонь, один из самолетов проносится совсем низко, едва не задевая мачты. Все увидели, как от него отделяются две бомбы. От них уже не увернуться. Корабль вздрагивает всем корпусом. Я не слышу взрыва. Жаркая упругая волна пахнула в лицо, подхватила, отбросила в угол. Чувствую, на меня кто-то падает сверху. А дальше - темнота. Не знаю, сколько времени пролежал я без сознания. Очнулся, смотрю: на мне лежит сигнальщик Сергеев. Взрывной волной его сбросило с сигнального мостика. Трогаю его. Матрос встряхивает головой, тут же вскакивает на ноги и убегает на сигнальный мостик. Поднимаются с палубы Бут и Кабистов, берут меня под руки. Но я встаю сам и сейчас же - к машинному телеграфу. Корабль движется задним ходом. Перевожу телеграф на "полный вперед". Гляжу на нос корабля. Но на полубаке дым, ничего не видно. Окидываю взглядом тахометры. Обе машины дают по 180 оборотов в минуту. Это терпимо. Движение корабля вперед привело к тому, что буруном залило полубак, пожар прекратился.

Наступила тишина. Самолеты улетели. Стопорю машины. Корабль тихо покачивается на поднятой им же волне. Прошу комиссара и Кабистова обойти корабль, узнать, как обстоят дела, если есть раненые - оказать помощь. Оглядываю верхнюю палубу с мостика. Кругом вода, грязь, грудами валяются стреляные гильзы. Матросы в порванной обгоревшей одежде обливают из

шлангов раскалившиеся стволы орудий, поглядывают на небо: не летят ли снова "юнкерсы"?

Что это? Смеется кто-то? И сразу следует взрыв веселого хохота. Это неугомонный Сихнешвили рассказывает что-то матросам. Возможно, вспоминает свои недавние переживания. И вот уже позабыты все страхи. Хохочут матросы, шутят. Ну и народ!

Надо все-таки уточнить положение. Пытаюсь вызвать инженер-механика, но телефон не работает. Козинец сам появляется на мостике. Его не узнать. С ног до головы в мазуте, мокрый, фуражка прожжена в нескольких местах.

Докладывает, что одна бомба попала в полуклюз, вторая взорвалась возле самого форштевня. Прочность носовой части корабля нарушена. Повреждены почти все помещения, расположенные в носу: первый, второй и третий кубрики, кают-компания, офицерские каюты. Но все необходимые аварийные работы произведены, переборки подкреплены, корабль может идти малым ходом. Механизмы работают нормально. Пожары везде ликвидированы. Личный состав продолжает вести борьбу с водой, поступающей из ослабевших швов. Убитых и раненых в пятой боевой части нет.

- Спасибо, Яков Степанович, - благодарю я инженера. - Вы очень многое успели сделать. Ваши люди действовали выше всяких похвал. Сейчас задача - во что бы то ни стало удержать корабль на плаву!

- Есть, удержать корабль на плаву! - громко отвечает офицер, приложив руку к своей рваной фуражке.

Отпустив его, хочу подойти к телеграфу и вдруг чувствую невыносимую боль в правой ноге. Не могу шевельнуть ею. Пришлось обхватить ее руками и таким образом подвинуть. Ощупал. Раны вроде нет. Глазами поискал разножку, чтобы сесть, но ее не оказалось поблизости. Внимательно следивший за мной старшина Куксов обес-покоенно спросил:

- Что с вами, товарищ командир? Вы ранены?

- Нет. Просто ушиб ногу.

Но Куксов уже нажал кнопку. На мостик вбегает санитар с бинтами, шиной.

- Кого перевязать?

- Вон Куксова, - шучу, - он вас вызвал. А мне дайте разножку. Посижу немного - и все пройдет.

Сигнальщик читает семафор с "Бойкого". Годлевский запрашивает, нужна ли помощь.

Оцениваю обстановку. Машины работают. Пожары ликвидированы. Стоит ли отвлекать от дела последний корабль,

который поддерживает десантников? Отвечаю Годлевскому:

- Благодарю за услугу. Дойду до Одессы своим ходом.

На мостик возвращаются комиссар и Кабистов. Сообщают, что люди стоят на боевых постах. Убитых нет. Ранен наводчик матрос Колесниченко. Его посылали в лазарет, он отказался и до конца боя оставался на посту.

Малым ходом направляемся к Одессе. Случайно заглядываю в рубку. Рулевой Рыков держит в руках котелок магнитного компаса и по нему ведет корабль по курсу.

- Что случилось?

Матрос поясняет, что взрывом котелок компаса сбросило с ноктоуза. Лежал на палубе. К счастью, не разбился.

- А гирокомпас?

- Не работает.

Веселые дела!

Обогнули Воронцовский маяк. Юркий буксир развел боны - заграждение, прикрывающее вход в порт. Навстречу "Беспощадному" идут еще буксиры. Они заходят и справа, и слева, пересекают нам курс. Усиленные мегафонами голоса капитанов с тревогой запрашивают, в чем мы нуждаемся, куда нас вести.

- Алексей Николаевич, - говорю своему помощнику, - передайте, чтобы не мешали входить. Швартоваться будем своим ходом к причалу номер двадцать два.

Буксиры почтительно расступаются и пристраиваются к нам в кильватер. Так они проводили нас до причала. Швартовкой руководил Кабистов. Несмотря на повреждения корабля, он провел ее блестяще.

На стенке причала уже толпа. Весть о бое, который выдержал наш корабль, разнеслась по городу, и жители пришли взглянуть на отважных матросов.

Резко гудя сиреной, через толпу пробирается санитарная машина. Превозмогая боль в ноге, спускаюсь на верхнюю палубу, где на носилках лежит Колесниченко. Склоняюсь над ним:

- Как себя чувствуете?

- Хорошо, товарищ командир. А вот как вы? Вы ведь тоже ранены?

- Да что вы! Ничуть я не ранен. Это я решил испробовать, что крепче: пеллорус гирокомпаса или моя нога. Понимаете, тумба оказалась все же крепче ноги.

Раненый улыбается.

Раздвигая сгрудившихся у носилок матросов, подходит командир орудия старшина 2-й статьи Агапов. С любовью вглядывается в бледное лицо раненого.

- Он у нас настоящий герой, - говорит старшина. - Его ранило

в самом начале боя. Спрашиваю: "Можешь наводить?" - "Могу", - отвечает. Так и не выпустил из рук штурвала до конца вражеского налета. Даже не застонал ни разу. А потом взглянули: вся палуба возле пушки в крови. Только тогда я спохватился. "Немедленно, говорю, иди в лазарет". А он уже и подняться не может. Понимаете, товарищ командир, какая сила в этом человеке! Он бы так и умер, а с поста не сошел. До последнего вздоха стрелял бы.

Я пригнулся к лицу раненого:

- Спасибо вам, Николай Петрович. От всего экипажа спасибо. Ваш подвиг будет образцом для каждого из нас, на нем мы будем воспитывать нашу молодежь. Желаем вам быстрее поправиться и вернуться в нашу семью.

Целую его в воспаленные губы, вглядываюсь в похудевшее, измученное лицо. Ничего особенного: курносый паренек, низкий, узкоплечий. Но могу смело сказать: красивее и сильнее этого юноши я еще не видел.

- Немедленно отправить в госпиталь, - приказываю лекпому.

- Товарищ командир, разрешите остаться на корабле, - взмолился матрос. - Я здесь лучше поправлюсь.

- Нельзя. В госпиталь, и быстрее в госпиталь. Там вас быстро вылечат. Вам нужно переливание крови, на корабле это сделать невозможно. Поправляйтесь - и мы снова встретимся.

Матросы подняли носилки, несут их к трапу. Колесниченко просит остановиться. С большим усилием повертывается на бок, дотягивается до леерной стойки и прижимается к ней губами. По впалой щеке катится слеза. Матросы, сняв фуражки, смотрят, как их товарищ прощается с родным кораблем.

Колесниченко хочет что-то сказать, но голова бессильно падает на подушку. Он без сознания. Носилки поспешно грузят в машину...

Я еще не пришел в себя от этих проходов, когда меня тронул за рукав комиссар.

- Григорий Пудович, народ тебя хочет видеть.

- Какой народ?

- Разве не видишь, сколько людей на стенке?

Схожу с трапа. Меня обступают старики, женщины, подростки, засыпают вопросами: много ли моряков пострадало? Не нуждаемся ли мы в чем? Ко мне протискивается старый рабочий.

- Мы видели, как вы сражались с вражескими самолетами. Я сам воевал когда-то, еще в империалистическую. Страшно бывало. Но такого, как сегодня, я еще не видывал. Мы на берегу и то замирали от ужаса. А вы выдержали. Мы гордимся вами, сыны

наши, - старик повернулся к толпе и добавил сурово и громко: - Не видать фашистам Одессы!

Благодарю старого рабочего за теплые слова и обращаюсь к собравшимся:

- Да, сегодня нам выпало нелегкое испытание. Но у нас изумительные люди. Взгляните на них, - показываю рукой на матросов, собравшихся на палубе эсминца. - Вы привыкли видеть моряков в белых форменках, в белых фуражках, с жизнерадостной улыбкой на лицах. Сейчас они грязные, в порванной и прожженной одежде. Но они прекрасны своим мужеством и отвагой. Именно такими людьми сильны наши корабли, флот, армия. Это ваши сыновья. Это вы их такими вырастили. И за это вам большое спасибо! Вы, весь народ наш может смело положиться на таких людей. Они все выдержат! Они победят!

Через некоторое время я приказал построить личный состав по большому сбору. Да, вид у людей неважный. Помощник докладывает, что большая часть обмундирования попорчена. Когда в помещениях корабля обнаружилась течь, моряки заделывали пробоины всем, что попадалось под руку, пуская в ход и свою одежду. Жалко, конечно, обмундирование. Но моряки спасли корабль. Это куда важнее...

Оставаться нельзя

Бытует на флоте термин "живучесть корабля". Это широкое понятие. Оно означает способность корабля противостоять боевым и всем прочим повреждениям, в любых условиях оставаться на плаву и поддерживать свою боеспособность. О высокой живучести корабля заботятся его конструкторы, инженеры-кораблестроители, постоянно заботится о ней и экипаж. С первых же дней своей службы каждый моряк овладевает так называемыми правилами и приемами борьбы за живучесть корабля, учится заделывать пробоины, тушить пожары, устранять повреждения техники и оружия. Этот вид учебы является неотъемлемой частью боевой подготовки. Вопросам борьбы за живучесть корабля на нашем флоте всегда придавалось первостепенное значение, и это принесло большую пользу в годы войны. Случалось, диву только даешься: корабль в бою получит десятки пробоин, тысячи тонн воды ворвутся в его истерзанный корпус, а моряки все-таки приведут корабль в базу, залатают, подремонтируют - и снова стальной ветеран бороздит море, наводя ужас на врага.

Теперь такое испытание выпало на долю нашего "Беспощадного". Когда мы в Одессе осмотрели его получше, то удивились, как только нам удалось довести эсминец до спасительной стенки гавани. Взрывами почти начисто оторвало

носовую часть корпуса вплоть до первой пушки. Сейчас этот кусок полубака чудом висит на листах обшивки. Сильно деформирован корпус в районе румпельного отделения в корме, второй машины и первого котельного отделения. В этих местах разошлись швы. Течь удалось приостановить, но достаточно небольшого толчка, чтобы в помещения снова хлынула вода. Чтобы выровнять корабль, пришлось откачать за борт триста тонн мазута.

Теперь у нас топлива еле хватит до Севастополя, если вообще мы сможем дойти до него. Главная энергетическая установка цела, но при дырявом корпусе и это не радует. Затоплены носовые погреба боезапаса, центральный артиллерийский пост. У нас осталось очень мало снарядов, да и пушки могут стрелять только аварийным способом. К тому же каждый выстрел грозит расхождением швов корпуса.

Вышел из строя гирокомпас. На магнитный компас тоже надеяться нельзя: после того как его котелок был сброшен на палубу, рискованно полагаться на точность этого нежного прибора.

Собираю офицеров. Совещаемся, что делать. Оставаться в Одессе нельзя. Отремонтировать корабль здесь не сможем: завод разрушен. Каждый час пребывания в порту, который беспрерывно бомбит вражеская авиация, грозит кораблю гибелью. Решили своими силами сделать все, что возможно, для подготовки к переходу в Севастополь. Кабистов уже предпринял кое-что. С полубака сняли шпиль, якоря с цепями и другие тяжести перенесли на шкафут, к торпедным аппаратам.

Матросы под руководством Хасика продолжают бороться с поступлением воды. Старшины Грыцук и Омельченко, матросы Абрамис, Козлов и Емельянченко в полузатопленных отсеках конопатят швы. Непрестанно работают помпы, выкачивая воду из помещений.

Бормотин докладывает, что осушено помещение гирокомпаса. Штурманские электрики пытаются запустить гирокомпас. В крайнем случае воспользуемся шлюпочными компасами, они оказались исправными.

Решение принято одно: спасти корабль любой ценой.

Отправляюсь к командиру Одесской базы контр-адмиралу Кулешову. Хочу просить его, чтобы дал автогенный аппарат отрезать еле держащийся, мешающий движению корабля кусок полубака. Контр-адмирал перебивает меня на середине первой же фразы:

- Никаких автогенов. Сегодня же вы обязаны уйти из Одессы. Видите, налеты участились. Вас могут в любой момент утопить. А рисковать эсминцем мы не можем. Уходите немедленно. Это

распоряжение командующего оборонительным районом. - Кулешов протягивает мне руку: - Желаю вам счастливого перехода. Буксир из Севастополя за вами уже послан. Должен быть здесь в пятнадцать часов.

По тротуару, изрытому воронками, то и дело обходя груды битого закопченного кирпича, возвращаюсь в гавань. По пути решил заглянуть в госпиталь, навестить Колесниченко. В приемном покое пожилая няня, услышав фамилию матроса, смахнула слезу.

- Умер он, батюшка, сегодня ночью умер. Кровью истек. Врачи все удивлялись, как только живым его довезли.

Начальник хирургического отделения не меньше меня был удручен случившимся.

- Уже ничем нельзя было помочь...

- Когда мы сможем похоронить его?

- Не раньше чем через два дня, когда будут известны результаты вскрытия.

- Жаль. Мы сегодня уходим.

- Не беспокойтесь. Доверьте нам. Похороним со всеми почестями.

На корабле Кабистов доложил, что буксир "СП-14" уже прибыл. Чтобы не терять времени, мой помощник сам отдал команду готовить корабль к походу. Матросы закрепляют за торпедные аппараты якорную цепь, она заменит нам брагу, к которой присоединяется буксирный трос.

- Воздух! - слышится возглас.

Над портом на большой высоте летят вражеские бомбардировщики. Падая, завывают бомбы. Грохочут взрывы. Бомбы рвутся на середине гавани, на берегу. Осколки долетают до нас. Матросы, занятые своим делом, ничего не замечают. Спокойно работают на палубе. Команда буксира тоже не обращает внимания на бомбежку. Видно, обстрелянный народ. Приглашаю к себе капитана буксира, договариваемся о действиях в море. Тянуть "Беспощадный" он будет кормой вперед. Выход, назначен в шестнадцать ноль-ноль, чтобы ночью пройти узкий фарватер среди минных полей. Предупреждаю, что поврежденный эсминец будет плохо слушаться руля. Буксировать нужно сугубо осторожно.

Самолеты, отбомбившись, улетели. Пользуемся случаем, чтобы незамеченными выйти из гавани. Миновали боны у Воронцовского маяка. В вантах засвистел ветерок. Он крепчает. В море крупная зыбь. Нас начинает покачивать. Взгляды всех, кто находится на мостике, устремлены на полубак. Выдержит ли?

- Штурман, - говорю Бормотину, - проверьте, с какой

скоростью мы идем.

Сам изучаю облака: усилится ветер или нет? Подует по-настоящему - беда нам.

Прохаживаюсь по мостику. Трогаю рукоятки машинного телеграфа, которые стоят на "стоп", поглядываю на неподвижные стрелки тахометров, замершие на нуле: машины наши не работают. Тоска!

Бормотин определил, что идем со скоростью 4,2 узла. Не идем, а ползем. Велю сигнальщикам передать на буксир, чтобы прибавил ход. Приходит ответ: "Больше хода дать не могу".

Начинает темнеть, а мы все еще недалеко от Одессы. Эх и длинным покажется нам знакомый путь до Севастополя!

Когда топором рубят сталь

Рассвет застал нас у Тендровского маяка. Погода ухудшилась. По морю уже гуляли приличные волны. Пока шли навстречу ветру, все было хорошо. Но вот повернули к ветру лагом - и началось!

Крен достигает тридцати градусов. Корабль стонет, скрипит, как несмазанная телега. Взгляды всех прикованы к полубаку. Оторванная его часть, висящая на живой нитке, не хочет качаться вместе с кораблем. Эсминец ложится на правый борт, а полубак стоит на месте, словно раздумывает, в какую сторону ему податься. Когда корабль уже выпрямится, оживший полубак вдруг спохватывается и быстро-быстро валится набок. При этом разорванные стальные листы скрежещут и лязгают так, что у нас озноб пробегает по телу. И без того кровью сердце обливается, когда слышишь этот стон истерзанного корабля, а тут еще крик с сигнального мостика:

- Справа по курсу три самолета!

"Юнкерсы" летят на "Беспощадный". Приказываю буксиру отойти в сторону: незачем и его под удар подставлять. Буксир выполняет приказание. Туго натянутый трос срывается с его кормы и с шумом падает в воду. "Беспощадный" без хода раскачивается на волне. Самолеты устремляются в пике. С визгом падают бомбы. Прозрачные, как из стекла, столбы вырастают над волнами. Тяжело, отрывисто вздыхает море. Все бомбы падают перед носом корабля. Кабистов вытирает с лица пот и брызги, смеется:

- Опять их одурачил "Беспощадный". Они брали поправку на наш ход, а мы стоим. Не было бы счастья, да несчастье помогло!

Сбросили "юнкерсы" бомбы перед нашим носом, угостили шумовым эффектом и скрылись. Буксир, дымя и пыхтя, снова тянет нас на поводу.

Прошли минное поле. Вползаем в Каркинитский залив. Здесь

на просторе и вовсе разыгрался ветер. Теперь он достигает шести баллов. Оторванный полубак с громом болтается из стороны в сторону. Кабистов спустился на палубу, перегнулся через леер. Временами он весь скрывается в брызгах. Его доклады с каждой минутой тревожнее. Оторванный, висящий на листах обшивки полубак, раскачиваясь, все дальше разрывает борт. Раньше повреждения доходили до пятнадцатого шпангоута. Теперь они распространились уже дальше пятидесятого. Еще немного - и вода хлынет в первое котельное отделение. Уже сейчас матросы выбиваются из сил, борясь с течью во всех носовых помещениях. А прорвет переборки котельных отделений - конец. Тогда уже не удержать корабль на плаву. Погибнет наш "Беспощадный".

Надо принимать решение. Это решение должен принять я, командир. Больше некому. Правильно решу - спасу корабль. Ошибусь - погублю все. Но что же решать? В такие минуты убеждаешься, какая страшная ответственность вмещается в короткое привычное слово "командир".

Вместе с Козинцом осматриваем помещения корабля. Инженер-механик мрачен и подавлен. Хуже всего сознавать свое бессилие. На виду у матросов он еще держит себя в руках. Бодрым голосом отдает распоряжения, покрикивает на замешкавшихся или упавших духом. Но когда остаемся одни, Козинец не скрывает отчаяния. Я понимаю его. Этот человек влюблен в корабль, и никто больше его не сделал в эти дни, чтобы спасти эсминец. Тем горше ему сознавать, что все его усилия напрасны.

Сообщаю радиограммой о положении корабля командующему флотом. Понимаю, что помочь он ничем не сможет: слишком далеко мы от Севастополя.

Козинец стоит рядом со мной и рассуждает вслух:

- Сейчас бы к берегу приткнуться, на песочек. Ну, немного потрепало бы волной и только... Но некуда нам приткнуться. Здесь, у Скадовска, немцы. А до Крыма не дотянем. Нет, не дотянем. Потонет наш "Беспощадный"...

- Рано ты его в поминанье записываешь, Яков Степанович, - обрываю я причитания механика. - Сам вижу, что трудно. Но погибнуть и дурак сумеет. А мы права на это не имеем. Слышишь, права не имеем погибать х корабль губить! Бороться надо. И думать. Пока время есть.

- У меня и так голова скоро лопнет от дум, да ничего не придумаю.

- А ведь на тебя вся надежда. Ты же механик, инженер. Созови-ка своих офицеров. Сообща умом пораскинем.

Офицеры пятой боевой части собрались на мостике.

- Ну вот, товарищи, - обращаюсь к ним, - настала критическая минута, когда мы должны сказать: в силах мы довести "Беспощадный" до Севастополя или, как крысы, побежим с него на буксир? Повреждения для нас ясны. Прошу конкретно предлагать, что нам делать.

Предложений много. Но при детальном рассмотрении они отвергаются одно за другим.

А внизу, на палубе, тоже идет совещание. Матросы, не вошедшие в аварийные команды, собрались, о чем-то спорят. Среди них выделяется рослый старшина 2-й статьи Сихнешвили. Он все время поглядывает на мостик, словно безмолвно спрашивает: "Разрешите доложить?"

- Вы хотите что-нибудь сказать, Владимир Георгиевич?

- Так точно!

- Идите сюда, - приглашаю его на мостик. Старшина излагает свою мысль:

- Товарищ командир, если на пути трещины сделать зарубку, она изменит свое направление. Сейчас у нас обшивка рвется по заклепкам, горизонтально. А вот сделаем вертикальную насечку, трещина пойдет вниз.

- Но насечка должна быть солидная. А чем мы ее сделаем?

- Топором. Кто-нибудь спустится на беседке и станет рубить топором.

- Мысль хорошая, - сказал я, - но пойдите додумайте ее. Опасно человека спускать за борт в такую волну.

Сихнешвили ушел. Механики наши не придали значения его предложению. Фантазия! Где это видано, чтобы стальную громаду топором рубить? Такое и Жюлю Верну не снилось. К мнению механиков присоединился и командир старшины Сихнешвили корабельный артиллерист Ярмак.

- В такую погоду спускать на беседке и рубить борт топором - нелепость, сказал он. - Просто будем гробить людей. Они будут падать в воду, что груши с ветки.

Неожиданно предложение Сихнешвили поддержал Кабистов.

- Правильная идея, - заявил он. - Тем более правильная, что другого выхода у нас нет.

- Обязательно нужно прислушаться к мнению матросов, - вставил свое веское слово и комиссар Бут. - Ведь если разобраться, это мысль не только Сихнешвили. Вся команда думает, как спасти корабль. Сихнешвили только черту подвел под эти рассуждения. Он же перед тем, как сюда прийти, почти со всеми матросами поговорил. Настоящий агитатор. Не только говорить с моряками, но и слушать умеет. Головастый парень!

- Пойду к матросам, потолкую, - сказал Кабистов. - Надо и

топором попробовать.. Поручите мне заняться.

- Приступайте, - сказал я. - Отрубить бак нам нужно во что бы то ни стало. Только в этом спасение. Подберите самых ловких матросов, пусть по очереди спускаются на беседке.

Когда Сихнешвили сообщил матросам своего отделения, что их предложение одобрено командиром, они готовы были "ура!" кричать. И конечно, комендоры никому не захотели уступать чести осуществить эту смелую идею. Под руководством Кабистова они сами снарядили беседку - канат с перекладиной, на которую может усесться человек. Первым спустился на этом шатком сооружении старшина Сихнешвили. На длинном шкерте - тонкой веревке - к его поясу привязан топор, чтобы не утонул, если вырвется из рук.

С высоты палубы мы наблюдаем за смельчаком. Страшно смотреть. Корабль раскачивается, волны налетают на старшину, того и гляди, бросят его на стальную стену борта. Старшина ногами и одной рукой старается смягчить удар, а в правой сжимает топор. Выбрав момент, с размаху бьет стальной лист. Звука удара не слышно за грохотом и лязгом трущихся друг о друга рваных краев обшивки. Снова налетает волна, и старшина с ловкостью акробата увертывается от удара о борт. И опять бьет и бьет топором. Несмотря на все старания, у него ничего не получается: никак не удается попасть топором в нужное место. Измучился, набил шишек на голове, ободрал колени, но ничего не сделал. Мокрого, в синяках и ссадинах, его подняли на палубу. Наготове уже другой доброволец - матрос Никифоров. Извлекаем урок из неудачи. Приказываю буксиру немного развернуть корабль, чтобы волна не так сильно била в скулу эсминца. Никифорову удается нанести несколько метких ударов. Раздается легкий треск.

- Пошла! - кричат матросы.

Трещина, тянувшаяся параллельно палубе, под крутым углом свернула вниз.

Полубак начал отрываться. Вертикальная трещина доползла до ватерлинии.

Никифоров все болтался над волнами, наблюдая, как ведет себя полубак. Волны расшатывали изувеченный нос корабля. Трещина расширялась.

Произошло чудо. Топор, обыкновенный топор, которым рубят только дерево, рассек сталь борта и заменил нам автогенный аппарат.

На время полубак перестал опускаться. Что дальше будет? Сейчас его удерживает киль - толстый стальной брус, самая нижняя деталь конструкции корабля. Вдруг киль не поломается

под тяжестью отрывающейся глыбы? Тогда он начнет отрываться от стальной части корпуса, вспарывая по всей своей длине днище эсминца. Это худшее, чего можно ожидать. Мало того, что в гигантскую рану хлынет вода. Дело и в другом. Киль можно назвать становым хребтом корабля, к нему крепятся шпангоуты - ребра корабельного корпуса. Оторвется этот хребет - и рассыплется весь стальной скелет "Беспощадного". Тогда уж гибель корабля будет неотвратимой.

Моряки молчат, вслушиваясь в удары волн и в равномерный скрежет трущихся друг о друга глыб металла. Но вот мы чувствуем рывок, вслед за ним слышится звук, очень похожий на треск разрываемой материи, только усиленный во много раз. Палуба подпрыгивает под ногами. Я смотрю на нос корабля. Шатающегося куска полубака больше не видно. Море в том месте, где он упал, клокочет от пузырей воздуха.

- Штурман, - приказываю я Бормотину, - отметьте на карте эту точку. Настанет время - и мы еще поднимем с морского дна полубак "Беспощадного".

Вызываю Сихнешвили и Никифорова, благодарю их. Умные головы! Ни алгебры, ни геометрии они пока не знают, не изучали сопромат, а придумали такое, до чего инженеры не могли додуматься. Вот она - матросская смекалка, которой искони славится наш флот! С таким народом мы любую задачу решим!

На море настоящий шторм. Корабль валит с борта на борт. Но теперь мы твердо уверены: дойдем! Из внутренних помещений докладывают, что вода не поступает. Значит, все в порядке.

Вообще-то шторм доставляет нам немало хлопот. То и дело рвется буксирный трос. Сращиваем его, снова заводим. Волны гуляют по палубе, сбивают людей с ног. Но матросы, мокрые, продрогшие, работают весело. К шторму им не привыкать. А то, что небо хмурое, нам только на руку: можно не опасаться воздушных налетов.

Время подошло к обеду. Сегодня мы без горячей пищи. Камбуз разрушен. Варить негде. Матросы получают хлеб, консервы и чай. В кубриках тесно. Ведь мы лишились трех носовых кубриков, которые теперь покоятся на дне Каркинитского залива. Матросы не сетуют на тесноту. Жильцов погибших кубриков встречают со всем гостеприимством, на которое способна широкая морская душа.

За столами моряки сидят в мокрой грязной одежде. Переодеться не во что. В последние часы остатки обмундирования пустили на заделку пробоин и конопачение разошедшихся швов. Матрос Чередниченко всю свою одежду потратил на это, осталось у него только старое порванное рабочее платье, которое сейчас на

нем. А баян уберег, и сейчас моряки благодарны ему, наперебой просят сыграть что-нибудь. И, наскоро покончив со скудным обедом, Чередниченко уступает их просьбам...

Офицеры сошлись пообедать в единственной уцелевшей каюте. Сохранилась она относительно. Дверь покорежило - ни открыть, ни закрыть. Пришлось ее снять и унести на верхнюю палубу. Диван порван и вымазан мазутом. Над головой свисают обрывки проводов. Вогнулись внутрь переборки - стены каюты, - с них осыпается потрескавшаяся краска. Все еще пахнет гарью, на палубе плещет вода, перекатываясь с борта на борт в такт качке. И все же здесь терпимо. В других каютах выбиты иллюминаторы, гуляет пронизывающий ветер, вода стоит по колено.

Кое-как расселись мы вокруг покоробленного стола. По рукам пошли банки. Консервы из них достаем кто ложкой, кто ножом, кто чудом уцелевшей вилкой.

На радостях, что нос корабля благополучно оторвался, я приказал выдать команде по чарке вина. Поднимаем тост за "Беспощадный", за быстрейшее окончание его ремонта, за будущие походы.

Завязывается оживленный разговор. Офицеры вспоминают недавние переживания, шутят, смеются. Лейтенант Лушин, сидя на комингсе - пороге каюты (места за столом не досталось), рассказывает о том, как Селецкий остался без брюк. Инженер-лейтенант руководил аварийной партией. В отсеке было по пояс воды. Офицер разделся и работал в одних трусах. А тут новая течь образовалась. Главный старшина Вакуленко стал искать, чем заткнуть пробоину. Видит, брюки лежат, схватил и сунул их в дыру. Инженер-лейтенант, закончив работу, стал искать свои брюки, а их нет. Вакуленко так и обомлел. "Это ваши брюки были? А я ими пробоину заткнул". Так и щеголял бы Селецкий в трусах, ладно матросы где-то раздобыли ему парусиновые рабочие брюки.

Селецкий смеется вместе со всеми. Сам в свою очередь рассказывает какую-то смешную историю. Их в эти дни хоть отбавляй. Это хорошо, что весело людям, что и тени уныния не заметить на корабле, который только что был на грани гибели. Общее настроение передается и мне. Посылаю вестового за баяном. Довольный матрос принес инструмент. Я растянул мехи, взял несколько аккордов и рванул плясовую. В тесной каюте, конечно, не. до пляски. Но лица людей расцвели улыбками.

- Ну а что споем мы? - спрашиваю друзей, на миг прервав игру.

- Про Ермака, - предлагает Лушин. - Обстановка подходящая: и буря ревет, и дождь шумит, и мы отдыхаем после боя. Совсем

как в песне.

И полилась песня о русском богатыре, любившем родину больше жизни. Дружный хор заглушает звуки баяна, сколько я ни нажимаю на мехи. В коридоре собираются матросы, тоже подтягивают. Люди забыли про шторм, про качку, про беду,

Допели песню. Воцаряется тишина, нарушаемая лишь свистом ветра да ударами волн о борт корабля.

В дверях каюты показывается рассыльный, сообщает, что подошел эсминец "Сообразительный", просит разрешения взять нас на буксир.

- По местам! - обращаюсь я к товарищам. - И помните: морская культура на флоте требуется всегда, если даже ваш корабль и остался без носа.

На мостике меня встречает Кабистов. Он уже приказал буксиру отдать конец.

- Хорошо, - одобряю я, - давайте и дальше действуйте самостоятельно. Играйте "Аврал".

Кабистов улыбается. Я совсем позабыл, что у нас не работают авральные звонки. "Аврал" приходится играть горном.

Товарищи с "Сообразительного" со страхом и уважением посматривают на наш корабль. Мы, глядя со стороны, тоже, наверное, удивлялись бы, как такой обрубок держится на воде.

И возможно, потому наши матросы работают на палубе подчеркнуто спокойно и деловито, стремясь всем видом, всей организованностью своей показать: жив "Беспощадный"!

Ветер начал стихать. Из просвета в облаках вынырнули два наших истребителя. Пронеслись над нами, приветливо покачивая крыльями.

Вскоре на буксире "Сообразительного" "Беспощадный" вошел в севастопольскую бухту.

"Пластическая операция"

В ожидании дальнейших распоряжений "Беспощадный" встал на бочке в Южной бухте. Утром к нам прибыл начальник штаба эскадры Андреев. Капитан 1 ранга поздравил с успешным переходом и попросил рассказать о всем случившемся.

Мы сидели в моей каюте, пострадавшей чуть меньше других. Андреев достал из кармана трубку, набил ее, протянул кисет. "Золотое руно" - давно уже не доводилось пробовать этого чудесного табака.

- Не завидуй, - улыбнулся Владимир Александрович. - Последки докуриваю. Не скоро мы теперь получим такое лакомство.

По своему обыкновению, Андреев вынул записную книжку и карандаш. Он всегда так разговаривает - с карандашом в руке,

чтобы не упустить какой-нибудь интересной мысли. Я доложил о выполнении задания, о бое с вражескими самолетами, о повреждении корабля, гибели матроса Колесниченко. Рассказ о том, как мы полубак отрубили топором, Владимир Александрович выслушал с живейшим интересом.

- Ну и дела, - засмеялся он. - Попробуй сказать об этом где-нибудь - не поверят. Фантазером назовут.

Я выразил уверенность, что если завод нам поможет, то ремонт займет не более месяца. Андреев покачал головой:

- На завод не надейтесь. Он эвакуирован на Кавказское побережье. Здесь осталось лишь несколько специалистов и самое скромное оборудование.

- Мы знаем об этом, - сказал я. - Ремонтировать будем своими силами. Пусть только заводские подучат немного наших матросов, дадут инструмент и материалы. А мы уже и ремонтные бригады создали.

- Идем, покажи мне повреждения, - Андреев поднялся с дивана.

Мы с ним облазили весь корабль. Владимир Александрович осмотрел рванины, пробоины, гофры в обшивке корпуса, руками попробовал надежность крепления подпор.

- За живучесть корабля боролись хорошо, - похвалил он. - А работы вам предстоит страшно много. Здесь, в Севастополе, вы, конечно, не сможете все исправить. Приклепайте хотя бы новый нос, чтобы дойти до Кавказа.

Андреев пообещал сегодня же договориться с заводом, чтобы дали нам инструкторов из опытных рабочих.

- Поставьте их во главе бригад. Я знаю здешних мастеров: они за два дня матросов всему обучат. Уже у трапа Андреев предложил мне:

- Идем со мной. Навестим Владимирского.

- Он жив?! - радостно воскликнул я.

- Жив. Только тоже в порядочном ремонте нуждается. В госпитале лежит. Мы все за него переживали. Знаете ведь его: о себе нисколько не думает. Когда "Фрунзе" потопили, наш адмирал, будучи сам ранен, руководил спасением экипажа...

Катер повез нас к пристани на Павловском мысу. Андреев предупредил меня:

- О повреждении корабля Владимирскому не говори. Ему нельзя волноваться. Он интересовался "Беспощадным", я сказал, что все в порядке, скоро должен прийти.

Катер мягко толкнулся о причал. Мы сошли на берег. Утро было ясным, солнечным. В городе стояла тишина. Ее нарушали лишь гудки буксиров, сновавших в бухте.

В госпитале дорогу нам преградила медсестра, заявив, что начальник отделения запретил кого бы то ни было пускать к Владимирскому.

- Сестрица, - взмолился Андреев, - я вот привел командира корабля, он привез хорошие вести с фронта. Это будет благотворнее всех ваших лекарств.

Сестра вздохнула, оглянулась по сторонам и шепнула:

- Ладно, ступайте. Только недолго.

Входим в палату. Владимирский стоит у окна. Заслышав шаги, оборачивается к нам. Он в больничной пижаме, бледный, осунувшийся. Один глаз скрыт повязкой. Узнал нас, приветливо улыбнулся:

- Здравствуйте, здравствуйте! Садитесь. Мы справляемся о самочувствии. Владимирский машет рукой.

- Какое там самочувствие! Видите, держат под строгим арестом. Ты лучше расскажи, - обращается он ко мне, - как тебе удалось дойти без носа. Убитых и раненых много?

Мы с Андреевым переглянулись. Адмирал уже все знает. Вот и скрой от него что-нибудь!

Рассказываю ему все как было.

- Погоди, а почему ты молчишь о своей контузии? И это ему известно!

- Да пустяк, - говорю. - Просто попробовал, что крепче: моя нога или корабль.

- Ну и что же?

- Корабль оказался крепче. Вот и остался синяк у меня на бедре.

В разгар беседы в палату вошла дежурный врач - миловидная, но очень строгая женщина в белом халате. Она тигрицей накинулась на нас:

- Кто вас сюда пустил? Сейчас же уходите. Дайте отдохнуть раненому.

- Товарищ врач, - начал ее уговаривать Андреев, - разрешите нам хотя бы минутку поговорить. Войдите в наше положение: встретились начальник и подчиненный, которые не надеялись увидеться больше. И вдруг видят друг друга живыми. Правда, немного поцарапаны оба, да это все пройдет с вашей помощью. Ведь вы тут чудеса делаете. Можно сказать, мертвых к жизни возвращаете. Что бы мы без вас, врачей, делали? Смело можно сказать, на вас весь флот держится. Ваши умелые, заботливые руки моряки после всю жизнь помнят.

Владимир Александрович еще несколько минут воспевал медицину. Его слова подействовали бы на кого угодно.

Врач понемногу сменила гнев на милость.

- Сколько времени вам еще надо? - спросила она, отвернув рукав и взглянув на свои часики.

- Тридцать минут. Уверяю вас, эта встреча на пользу будет больному.

- Хорошо. Оставайтесь. Но не больше чем на тридцать минут. И еще условие: дополнительного времени просить не будете.

- Вот видите. Я же знал, что у вас доброе сердце. Врач покосилась на Андреева карими глазами, улыбнулась и вышла.

- Ну и мастак ты говорить, Владимир Александрович, - рассмеялся адмирал. Не зря стихи сочиняешь.

Капитан 1 ранга подошел к двери, закрыл ее плотнее и извлек из кармана бутылку.

- А теперь выпьем за встречу. Я вам тут, Лев Анатольевич, вашего любимого рислинга раздобыл. Чудодейственная влага, от всех хворостей исцеляет.

Владимирский стал искать стаканы. Их оказалось всего два. Я заметил на окне кружку, сполоснул ее водой из графина, поставил на стол.

- Отлично! - сказал Андреев, открывая бутылку. Мы выпили за победу и за быстрейшее выздоровление адмирала.

- Как думаете ремонтировать "Беспощадный?" - спросил Владимирский.

Я познакомил его с нашими предварительными наметками.

- Посмотрите как следует на заводе. Там должны быть заготовки для корпусов эсминцев. Может, наберете себе на новый нос. - Владимирский вздохнул. - Задача нелегкая перед вами. Хирурги, когда к телу пришивают недостающие части, называют операцию пластической. Вот и вы должны "Беспощадному" пришить новый нос, который, сами знаете, весит многие десятки тонн.

Мы распрощались. Чувствовалось, что адмирал очень доволен встречей с нами.

10 октября 1941 года "Беспощадный" поставили в док. Матросы превратились в кораблестроителей. Владимирский оказался прав. На территории завода мы нашли необходимые заготовки: детали набора, скроенные листы обшивки корпуса. Оставалось их только склепать. Это "только" означало: подогнать многотонные детали друг к другу, высверлить в них десятки тысяч отверстий и поставить столько же заклепок.

На наше счастье, на заводе сохранились "пневматические дрели и молотки. Треск этих молотков, громкий и резкий, как пулеметные очереди, теперь начинался с самого утра и затихал поздним вечером. Но работы приходилось часто прерывать. На Севастополь налетали вражеские самолеты. Сирены воздушной

тревоги заставляли моряков и рабочих оставлять свои места и прятаться в убежищах. Пока они там сидели, горны остывали, заклепки приходилось разогревать снова. И случалось, люди только успеют это сделать, как новая тревога заставляет опять все бросить.

Инженер-механик Козинец обратился ко мне с просьбой - разрешить бригадам клепальщиков во время тревог не покидать рабочих мест. И работу их организовать в три смены, круглосуточно. А чтобы ночью светом горнов не демаскировать корабль, моряки построят шатер из брезента, прикроют им весь полубак.

Я пошел с этим предложением к командующему флотом. Тот разрешил.

Матросы обрадовались. Теперь никакие налеты не могли их прогнать в убежище. Работы не прекращались ни днем ни ночью.

Вначале дело подвигалось медленно. Мастерство не дается сразу. А клепка искусство тонкое. Пустит матрос пневматический молоток, тот трясется у него в руках и бьет куда угодно, но не по заклепке. Пока приноровится матрос заклепка уже остыла, срубай ее, выбивай и ставь новую. Нагревать заклепки тоже надо умеючи. Перегреешь ее - она теряет прочность, шов придется переделывать. Не догреешь - не сможешь расклепать. Неудачи злили матросов, но и учили. Каждому волей-неволей приходилось извлекать уроки из своих же ошибок: кому интересно по нескольку раз переделывать одну и ту же работу?

Бригадиры - опытные мастера с завода - были придирчивее нашего Козинца. За качеством следили строго. И первое время матросы за весь день ставили всего по нескольку десятков заклепок. Лишь после того как моряки набили руку, встал вопрос не только о качестве, но и о количестве. Бригадиры повысили норму до трехсот заклепок в смену. Отдельные матросы стали давать пятьсот. Эта норма пришлась команде более по душе и была принята как обязательная.

Налеты вражеской авиации участились. Иногда бомбы падали неподалеку от дока. Я, комиссар и Кабистов во время тревог всегда старались быть на корабле. Наготове дежурили аварийные партии. Большого практического значения это не имело. Попади бомба в док - никакие аварийные партии не спасут. Значение этого дежурства было главным образом моральное. Когда клепальщики видели, что аварийные партии на местах, начальство - рядом, им работалось спокойнее. При первых же звуках сирены я спускался в док. Матросы уговаривали идти в убежище, убеждали, что здесь мне делать нечего, незачем рисковать напрасно. Я отшучивался, что у меня есть заговор от

бомб. Ну а уж если что и случится, так вместе все веселее.

Бут и Кабистов были здесь же, иногда сами брались за молоток или клещами вынимали раскаленные заклепки из горна.

Бомбами сильно разрушило завод, но ни одна из них не попала в док. За двадцать дней мы залатали все дыры в корпусе корабля ниже ватерлинии. В надводной части мелкие пробоины еще оставались. Их пока заткнули деревянными пробками: заделать эти отверстия можно будет и на плаву. Заканчивалось сооружение нового полубака. Внутри носовой части прочно приладили стрингеры, шпангоуты, бимсы, пиллерсы и прочие детали корабельного набора. Что нужно приварили или заклепали. Встали на место листы обшивки. Матросы тщательно зачеканили швы, чтобы обеспечить герметичность. Оставалось приклепать настил верхней палубы. Однако работы пришлось приостановить. Оставаться в доке больше было нельзя. В последние дни немецкие летчики упорно старались попасть в него. Осложнилась и обстановка в городе. Фашистские войска были уже в Крыму и двигались к Севастополю. Командующий флотом приказал немедленно вести корабль к Кавказскому побережью.

Вот почему 30 октября мы заполнили док водой. Буксиров не было. Матросы почти вручную вывели эсминец за ботопорт - входные ворота дока. Только мы оказались в бухте, раздались гудки, объявлявшие воздушную тревогу. Машины были прогреты, я приказал дать ход. Корабль держался на воде хорошо. Направились к Минной пристани, чтобы пополнить запасы и ночью выйти в море.

Но вечером мы получили приказание начальника штаба флота контр-адмирала И. Д. Елисеева: переход отложить; завтра, 31 октября, поставить на место снятые на время ремонта орудия, принять на борт 400 эвакуируемых рабочих и лишь после этого следовать по назначению.

Я разрешил команде отдохнуть. Стемнело, но матросы не спешили в кубрики. Собрались на полубаке, только что сооруженном своими руками. Ничего, что палуба была неровной, ноги то и дело натыкались на чепы и гайки, которыми стягивались еще не приклепанные листы настила. Главное, полубак есть, корабль снова живет. Вон даже из дока перешли без помощи буксиров.

Моряки сидят в темноте, беседуют. Потом запели песню о "Беспощадном". На песню, как на огонек, потянулись люди. Это были рабочие Морского завода, до того укрывавшиеся в убежище возле Минной пристани. Сразу запомнив припев, они стали вторить хору моряков. Людей на стенке становилось все больше.

Показались девушки, женщины с детьми. Им тоже надоело сидеть в штольнях при тусклом свете запыленных лампочек.

Допели моряки песню. Кто-то из рабочих крикнул со стенки:

- Давай баяниста на пристань! Потанцевать хочется.

Ко мне приблизился Бут:

- Уж скоро месяц матросы не отдыхали. То воевали, то работали сутками. Пусть повеселятся.

- Ладно, - согласился я. - Пусть сойдут на стенку.

Довольные матросы не нуждались в уговорах. Все свободные от вахты мигом очутились на пристани.

Матрос Чередниченко сел на пал - тумбу, за которую крепятся швартовые тросы с кораблей, и широко растянул мехи своего много повидавшего баяна.

- Краковяк! - требовательно прозвучал звонкий женский голос. - Краковяк давай, да с огоньком!

По кругу парами поплыли танцоры. Даже те, кто сроду не танцевал, пустились в пляс. Благо, темно, никто не увидит, что танцор ты не первоклассный. Желающих повеселиться было хоть отбавляй. Один танец сменялся другим.

Веселье на Минной стенке продолжалось бы долго. Его нарушил сигнал тревоги. Матросы кинулись на корабль. Их гости - в убежище, в штольни.

Утром стало известно, что ночью группа немецких танков прорвалась почти к самому братскому кладбищу на склоне Малахова кургана и обстреляла город. Танки удалось быстро прогнать. Но факт остался фактом: фронт вплотную придвинулся к Севастополю.

Опять все сначала...

Группа моряков во главе со старшим лейтенантом Алешиным утром отправилась в Сухарную балку за боеприпасами. К "Беспощадному" подошел кран с нашими пушками. Начали их устанавливать. Работа шла споро. Неутомимо трудились моряки, стараясь быстрее докончить то, что не успели сделать в доке.

Представитель Морского завода принес список рабочих и их семей, которых мы должны веять на борт. Вместо четырехсот их оказалось четыреста пятьдесят. Возражать я не стал. Лишних пятьдесят пассажиров для нас не проблема. Предупреждаю только, чтобы все строго придерживались порядка, зря не бродили по палубам, не мешали экипажу в случае боевой тревоги. В списке много женщин и детей. Распорядился выделить для них лучший кубрик. Матросам все равно в нем делать будет нечего: на переходе им придется постоянно находиться на боевых постах. Козинец принял полный запас питьевой воды. Берем достаточное количество продуктов. Завод в помощь корабельным кокам

прислал своего повара.

Огромный морской кран опустил на полубак миноносца носовую пушку. Матросы начали закреплять ее, но тут над бухтой появились вражеские самолеты, Буксир спешно оттащил от корабля махину крана.

Бомбы упали в стороне. Не успели мы объявить отбой, как последовал новый налет. С борта "Беспощадного" видно, как клубы пламени и дыма взвились над Морским заводом, госпиталем, вокзалом. Потом опять налетели бомбардировщики. Теперь они метили по кораблям. Над бухтой неимоверный грохот. Яростно стреляют зенитки кораблей, рвутся бомбы. Облака дыма заслонили солнце. Над головой истошно завывают фашистские самолеты, отбиваясь и увертываясь от стремительных краснозвездных ястребков.

Разделившись на группы, "юнкерсы" пикируют на крейсеры "Червона Украина" и "Красный Кавказ". Только эти корабли да наш "Беспощадный" остались в севастопольских бухтах.

Со стороны железнодорожного вокзала показалась еще одна группа самолетов. Эти летят на нас. На эсминце действуют только зенитные автоматы и одно орудие. Стреляем из них. Захлебываясь, частят пулеметы. Пикировщики круто ныряют с высоты. Первый, второй, третий. Их бомбы падают так близко, что взметенная ими вода обрушивается на палубу. Четвертый самолет сбросил бомбы. И - все замерло. Слышен только зловещий, душераздирающий вой. Мы уже научились по звуку определять направление полета бомбы. Сейчас все поняли: она летит точно, сейчас обязательно, неизбежно попадет. Прекратили стрельбу артиллеристы. Замолчали пулеметы. В этой жуткой тишине я услышал короткий металлический удар, а мгновением позже корабль подкинуло вверх. Стена темной пыли выросла над пристанью. Рухнув в клокочущую, коричневую от ила воду, эсминец стал крениться на правый борт. Спешно заводим пластырь. Он не держит: его проталкивает внутрь пробоины. Заводим второй, больший. Корабль погружается. Сильно накренившись, он уже опустился до среза полубака. Вызванные мною буксиры швартуются у борта, чтобы хоть немного поддержать тонущий эсминец. Их насосы откачивают воду, но она не убывает. Свои насосы мы пустить не можем: повреждена паровая магистраль.

Ведь надо же так! Двухсоткилограммовая бомба угодила в палубу, пробила ее, затем второе дно и килевую дорожку, зарылась в грунт под кораблем и только тогда взорвалась. Взрывная волна причинила дальнейшие разрушения.

Поставить эсминец на ровный киль так и не удается. В

затопленных помещениях уровень воды не убывает. Снова Козинец и его подчиненные бьются с пластырем. Вот, кажется, он сел на пробоину как следует. Вода в отсеках пошла на убыль.

Узнаю, что крейсеры получили приказ покинуть Севастополь. Спешно докладываю командующему флотом, что эсминец, несмотря на повреждения, может совершить переход. Вице-адмирал Октябрьский приказывает "Красному Кавказу" взять нас на буксир. Командир крейсера капитан 2 ранга А. М. Гущин подождал на рейде, пока буксиры не подвели к нему "Беспощадный". Мы уже завели было на крейсер буксирный конец, когда эсминец вновь стал тонуть. Два буксирных парохода поспешно подхватили его на свои швартовы и подвели к стенке Инженерной пристани.

Да, о выходе в море нельзя было и думать. Крейсер на рейде долго отбивался от вражеских самолетов, потом исчез за горизонтом. Из боевых кораблей в Севастополе остался лишь наш "Беспощадный".

Спускаем водолазов, чтобы уточнить размер повреждений. В днище несколько пробоин. Выведено из строя третье котельное отделение, повреждены магистрали свежего и отработанного пара, еле держатся переборки второго котельного и первого турбинного отделений, в кормовой части ослабли швы, вода просачивается в погреб и кормовой кубрик.

Следовало бы немедленно встать в док. Но все доки разрушены...

Из Сухарной балки прибыл буксир с баржей, нагруженной боеприпасами. Старший лейтенант Алешин с гордостью рапортует, что задание выполнено. Он и сопровождавшие его матросы черные, как негры, обгорелая одежда висит на них лохмотьями. На голове матроса Абрамиса белеет свежий бинт.

Оказывается, во время погрузки вблизи баржи с боезапасом разорвалась бомба. Начался пожар. Шумно пылали пеналы с порохом. Наши матросы кинулись спасать баржу, рискуя вместе с ней взлететь на воздух. Алешин подогнал буксир. Пожарными брандспойтами удалось залить огонь. В общем, все обошлось. Вот только Абрамис легко ранен. Зато "Беспощадный" полностью обеспечен боезапасом.

- Разрешите приступить к погрузке?

Алешин еще не знает, что "Беспощадный" еле держится на воде и сейчас нам не до погрузки боезапаса. Я благодарю старшего лейтенанта и матросов за службу, но погрузочные работы приказываю пока отставить.

Только теперь офицер и его отважная команда замечают, в каком состоянии эсминец. Громко вздыхает Абрамис:

- Опять все сначала...

Да, мы снова должны ремонтировать корабль. Но как? Ни доков, ни завода больше нет.

Уже перед самыми сумерками "юнкерсы" еще раз навестили Севастополь. Небольшая их группа атаковала "Беспощадный". Бомбы нас не задели.

Оставаться у Инженерной пристани теперь - гибель.

Заметив корабль, фашистские летчики завтра снова пожалуют сюда.

Ночью буксиры перетаскивают нас к Северному доку. Здесь тоже немцы не оставляют в покое. Весь день "юнкерсы" налетают по одному, по два. Чтобы не рисковать напрасно людьми, я во время налетов всех отправляю в штольни. На корабле оставляю только аварийные партии.

Во время очередной тревоги произошел забавный случай. Кабистов со свободными матросами побежал в штольни. Вдруг он услышал за спиной характерный свист падающей бомбы. "Ложись!" - скомандовал капитан-лейтенант. Все кинулись на землю. Пролежали несколько минут. Взрыва нет, Кабистов поднялся с земли, удивленно огляделся. Где же бомба?

К офицеру подошел смущенный старшина 2-й статьи Рыбаков.

- Простите, это я...

- Что вы? - не понял Кабистов.

- Это я свистел. Капитан-лейтенант не поверил.

- А ну-ка, еще...

Старшина вытянул губы и издал звук, удивительно схожий со свистом бомбы.

Кабистов сердито взглянул на старшину, отряхнул пыль с кителя, окинул взглядом матросов: не смеются ли? Те, конечно, и вида не подали, чувствовали, чем грозит смех в такой момент. Офицер вдруг улыбнулся.

- Знаете что, ну ее к чертям, эту штольню! Там потолок на мозги давит. Пошли на корабль!

Матросы восприняли это с удовольствием. Бегать по тревоге в укрытие им изрядно надоело.

Вечером товарищи приставали к Рыбакову:

- Миша, сколько суток ареста ты получил от помощника командира за эту имитацию?

Тот, потирая небритую щеку, хитровато щурил глаза:

- Пока ничего. Однако достанется, наверно...

Нет, Кабистов все обернул в шутку. И сам после не раз со смехом вспоминал, как старшина своим свистом заставил его в землю зарыться.

Когда стемнело, мы опять сменили место стоянки. Перебрались в Килен-бухту, узкую, тесную, куда в мирное время я никогда не осмелился бы повести корабль: чуть ошибешься - и сядешь на мель. Но буксиры втянули нас туда. Один из буксиров уже вторые сутки качает воду из нашего котельного отделения. Пока справляется. Во всяком случае, корабль больше не погружается.

Всю ночь маскировали корабль. Весь его прикрыли маскировочными сетями. На рассвете моряки взобрались на гору, посмотрели издали. Хорошо: корабль неразличимо слился с берегом. Вместе с кораблем замаскировали и буксир, который продолжает выкачивать воду.

А дальше что делать?

Над этим сейчас думает весь экипаж. Я совещаюсь с офицерами. Бут беседует с матросами и старшинами. Люди готовы сделать что угодно, чтобы спасти корабль.

Кое-что предпринимаем. Плотнее наложили пластырь, заткнули некоторые дыры, проконопатили швы. Вода в помещениях стала убывать. Но это еще не выход. В открытом море тряхнет волной - и все наспех наложенные заплаты отлетят. Тогда и буксиры не помогут.

Может, махнуть на все рукой, попросить у командующего флотом разрешения оставить корабль, сформировать из экипажа подразделение морской пехоты и отправиться воевать на сухопутный фронт?

Листовая пробка

Чтобы не демаскировать корабль, команда сошла с него. Моряки разместились в опустевших портовых мастерских. Камбуз мы тоже оборудовали на берегу: врыли в землю два котла, здесь же установили кухонный и обеденные столы. Во время вражеских налетов моряки прячутся в штольни и ущелья прибрежных гор.

На корабле остаются только дежурные. На высотах, окружающих Килен-бухту, расположились посты наблюдения. Как только появляются самолеты противника, сигнальщики с высоты машут флажками. По этому знаку все уходят в укрытия, а дежурная служба на корабле готовится к решительным действиям, если бомбы угодят в эсминец.

Сообща думаем, как быть дальше. Еще раз спускаем водолазов. Козицец не удовлетворился их докладами, сам залез в скафандр, своими руками ощупал подводную часть корабля. Теперь мы знаем расположение каждой пробоины, каждой дырки в днище. Но от этого нам не легче.

Пришли рабочие с Морского завода - те самые, которых мы должны были эвакуировать. Горят желанием помочь нам. Однако

и они бессильны. Завод и доки в развалинах. Да если бы и удалось пустить какое-либо оборудование, мы не сможем им воспользоваться: фашистская авиация без конца бомбит территорию завода, вести туда корабль - значит ставить его под неизбежный удар.

Над городом не стихают воздушные бои. Наши истребители самоотверженно сражаются в небе. Их мало, им не удается прикрыть Севастополь от вражеских налетов с воздуха. С утра до ночи над головой воют авиационные моторы, бьют зенитки, тяжело ухают взрывы, с комариным писком падают осколки зенитных снарядов.

В перерыве между воздушными тревогами мы с Бутом прошлись по мастерским. Вид их ужасен. Перекрытия и стены развалились от взрывов, щебнем засыпало станки. Под ногами валяются обломки механизмов, какие-то детали, подчас натыкаешься и на совершенно исправный инструмент. Невольно нагибаемся, подбираем эти ценнейшие вещи и складываем у станков. Страшно наблюдать бессмысленную гибель огромных богатств.

В полуразрушенном складе мы увидели горы листовой пробки. Взял я в руки объемистый и необычайно легкий кусок. Это же золото! Пробку мы закупаем за границей, платим за нее баснословные деньги. И это сокровище обречено на уничтожение!

- Тимофей Тимофеевич, неужели мы бросим ее? Удивленно взглянул на меня комиссар:

- Смешной ты. Мы корабль не можем спасти, а ты о какой-то пробке заботишься. Ну какой нам от нее толк!

- Кораблестроители нас расцеловали бы за нее. Ты смотри, какая легкая. Первый сорт!

Бут тоже поднял с пола кусок пробки, попробовал ее на вес. Задумался. И вдруг рывком повернулся ко мне, словно его чем-то кольнули в бок.

- Слушай... - начал он, и глаза его заблестели. Я знал, о чем он хочет сказать. Эта мысль возникла и у меня, когда комиссар подбрасывал на руке объемистый пористый брусок.

Да, да, в этой пробке, в ее необыкновенной легкости, мы увидели возможность спасения "Беспощадного". Мы загрузим ею затопленные отсеки корабля. Пробка своей массой вытеснит из них воду, придаст кораблю плавучесть - и тогда нам сам черт не страшен!

За спиной послышались осторожные шаги. Я оглянулся. Матросы-артиллеристы испуганно поглядывают на нас. И верно, можно подумать что угодно, видя, как командир и комиссар затуманенными глазами уставились на кучу пробки и не могут

оторваться от нее. Может, последняя бомбежка шарики в головах начальства перепутала? Всякое ведь бывает... Я улыбнулся:

- Сзывайте всех на корабль. И поскорее!

Матросы собрались в посту энергетики. Набились как сельди в бочке. Протискиваемся туда и мы с комиссаром.

- Может, посвободнее поищем помещение? Уж очень тесно.

- Тут удобнее, товарищ командир, - отвечает за всех старшина Мисько. Когда тесно, голова лучше работает. Теснота давит на мозги и выжимает из них мысли.

Матросы раздвинулись, уступая нам места поудобнее. Я оглядел моряков.

- Ну, что-нибудь надумали?

Первым попросил слово главный старшина Землянухин:

- Товарищ командир, мы, машинисты, вот тут поговорили, и такая думка у нас зародилась. На складе много листовой пробки. Вот бы ее в отсеки насовать. Мелкие куски можно нанизать на проволоку и в таком виде загрузить под паелы (палубный настил) между магистралями. А листовую будем прямо накладывать в трюмы, а чтобы она не всплывала, закроем ее досками и укрепим подпорами.

Бут косится на меня, я - на него. Нет, не получилось из нас первооткрывателей!

- Черти! - вырывается у меня.- Что же вы раньше молчали? Мы с комиссаром собирались ошеломить своей гениальной находкой, а вы, оказывается, давно до нее дошли - и молчок!

- А мы тоже только-только додумались.

- Что ж, - говорю, - если столько голов сразу к одному и тому же решению пришли, значит, правильное решение. Теперь остается только детали разработать.

- У меня есть предложение организационного порядка, - поднимается старшина Вакуленко. - Нужно создать бригады уже сейчас. Одни будут готовить пробку на складе - сортировать, вязать ее, другие - носить на корабль (надо подумать как и на чем), третьи - укладывать и крепить в отсеках. Видимо, работать придется ночью, - значит, заранее надо расчистить дорогу к складу. Это тоже работа немалая, и к ней мы должны приступить уже сейчас, пока светло.

На том и порешили. Козинец взялся за организацию бригад. Вскоре матросы, растянувшись цепочкой, начали расчищать дорогу от склада к сходням корабля, руками отбрасывая в сторону обломки кирпича и камня. Сихнешвили и Никифоров "признанные мастера топорного дела", как их окрестили после истории с полубаком, сколачивали носилки. Десятки матросов трудились на складе.

К счастью, вражеские самолеты больше не показывались и работать можно было без помех.

С наступлением сумерек вереницы моряков с носилками потянулись со склада на корабль.

Укладкой пробки в трюмах занимались Землянухин и Вакуленко. Им помогали краснофлотцы Епифанов, Шарапов, Красавцев, Кузьмин и Худобин. Так как работать приходилось в воде, они надели резиновые костюмы. Кроме того, в каждом отсеке были снаряжены легкие водолазы. Землянухин проинструктировал их в сухом помещении. Ящерицей извиваясь среди магистралей, он показывал им, как плотнее укладывать пробку, чтобы ни малейшего просвета не оставалось. Сейчас водолазы добросовестно выполняли его указания.

Работали в полутьме, при свете аварийных фонарей.

Отсек за отсеком заполнялись пробкой. Когда ее накапливалось достаточно, сверху клали заранее подготовленные деревянные шиты, которые затем намертво поджимали подпорами. Там, где это было можно, пробка накрывалась даже железными листами, которые укреплялись с помощью электросварки.

К утру склад был очищен. Вся пробка - более 15 железнодорожных вагонов оказалась в трюмах "Беспощадного".

Мы с Козинцом проверили работу матросов. Все сделано прочно, надежно. Приказываю буксиру прекратить выкачивать воду. С тревогой ждем: не будет ли погружаться корабль? Нет, держится. Из отсеков поступают доклады о том, что уровень воды не повышается. Проходит час, другой. Крен устранен, корабль стоит на ровном киле. Все в порядке!

Неподалеку от нас, в штольне пристрелочной станции, разместился штаб тыла флота. Начальник тыла контр-адмирал Заяц - мой давний знакомый. Иду к нему поделиться удачей. Завидя меня, контр-адмирал поднял очки на лоб, спросил заботливо:

- Ну как, твой "Беспощадный" еще не утонул?

- Теперь не утонет. Мы его начинили пробкой, как плавательный пояс. Даже если весь корпус у него будет как решето, все равно он удержится на воде.

- Какой еще пробкой? - нахмурил густые брови контр-адмирал. - Что ты меня сказками забавляешь! Не время шутить.

- Да не шучу я. Пришел к вам, как к своему старому командиру и учителю, за советом. Вот хочу к командующему флотом на поклон пойти: пусть даст буксир. Тронемся на юг.

Мой собеседник даже из-за стола поднялся от возмущения.

- Погляжу я на вас, молодых командиров, и оторопь берет.

Как вы легко все вопросы решаете! Видите ли, он решил на пробке море переплыть! Пойми, голова, ты и мили не проплывешь. Останется твоя пробка на поверхности, а ты вместе со своим эсминцем на дно отправишься.

Все мои разъяснения ни к чему не привели. Заяц приблизился ко мне вплотную и громовым голосом заявил:

- Не разрешаю! Слышишь, не разрешаю! Если всё-таки хочешь испробовать свой эксперимент, так веди корабль как баржу. Сними с него пушки, сними команду, они и здесь пригодятся, а коробку свою можешь топить в море - все равно от этой дырявой посудины проку сейчас мало.

Я взял лист бумаги и с карандашом в руке стал доказывать, что пробка нас выручит. Заяц скептически смотрел на мои рисунки и твердил свое:

- Топором ко дну пойдешь. Попомни мои слова. Повторяю, можешь отправляться, тебя не переспоришь. Но меня в эту авантюру не впутывай.

В конце концов контр-адмирал махнул рукой:

- Поступай как знаешь. Пожалуйста, иди к командующему флотом, он тебя тоже отчитает.

Но Филипп Сергеевич Октябрьский выслушал меня с глубоким интересом. Заставил подробно рассказать, как закреплена пробка, много ли ее вошло в тот или иной отсек. Задал массу вопросов: что будем делать, если шторм застигнет, если вражеская авиация нападет, если бомба попадет в корабль.

Я старался отвечать как можно обстоятельнее.

- Что же, - сказал командующий флотом, - давайте рискнем. Сегодня вечером прибывает эсминец "Шаумян". Он возьмет вас на буксир. Приготовьте все к тому времени. На всякий случай людей пересади на "Шаумян", на "Беспощадном" оставь только аварийную команду. Если погода ухудшится, укрывайтесь в базах. Зря на рожон не лезь. А насчет пробки - здорово придумано.

Чья это идея? - спросил присутствовавший при разговоре член Военного совета флота контр-адмирал Н. М. Кулаков.

- Коллективная.

Я рассказал, как весь экипаж думал над спасением корабля, как одновременно у многих зародилась мысль использовать запасы пробки, как дружно работал экипаж, управившись за одну ночь со столь сложным делом.

- Молодцы, - сказал Николай Михайлович. - Вообще здорово на "Беспощадном" получается: полубак отрубили топором, сейчас, спасая корабль, доставят нашим заводам чуть ли не целый состав дефицитной пробки. И все матросская смекалка. Умеете вы с Бутом на людей опираться. Это хорошо. И впредь так поступайте.

От командующего флотом я ушел окрыленным. Кажется, и город стал веселее. Это ничего, что разрушены многие его кварталы, что опустели прекрасные бухты и там, где стояли совсем недавно корабли, лишь качаются на зыби одинокие, засиженные чайками причальные бочки. Севастополь живет, сражается. И мне вдруг жалко стало расставаться с ним, хотя в последнее время я только и думал о том, как бы поскорее вывести из него корабль.

На склоне Килен-бухты встретил рабочих Морского завода. Они всю ночь помогали матросам, работали добровольно, их никто не принуждал. Тороплюсь обрадовать их: труд окупился с лихвой, ночью "Беспощадный" выйдет в море.

Усталые лица рабочих посветлели.

- Собирайтесь, мы возьмем вас с собой.

- Желаем вам счастливого, пути, - сказал пожилой мастер. - А мы остаемся здесь, в Севастополе. Мы здесь нужнее. Дела нам хватит. Будем работать для флота и фронта, а если понадобится, возьмемся за винтовки. С Севастополем мы не расстанемся. Нет!

Сердечно благодарю рабочих за помощь. Они смущенно улыбаются. Тот же пожилой мастер говорит за всех:

- Делали что положено. Ведь одному делу служим.

Долго смотрю им вслед. Простые люди. Сугубо мирный, гражданский народ. Но мы видели, с каким спокойствием они работали под бомбами. Они сейчас без оружия. Но это солдаты, бойцы неисчислимой армии, имя которой - народ. Только сумасшедшему может взбрести в голову, что можно победить такой народ.

Переход

Распределяем людей: кто остается на "Беспощадном", кто пойдет на "Шаумяне". В число последних никто попасть не хочет. Приходится использовать силу приказа. Объявляю, что на "Беспощадном" пойду я, комиссар, мой помощник, командиры боевых частей, старшины команд и самые расторопные и смелые матросы, которые могут смотреть смерти в глаза. Командиры групп перейдут на "Шаумян", с ними - все остальные матросы и старшины.

Нечего и говорить, что каждый, кто переселяется на буксирующий эсминец, считает себя обиженным. Комиссар и я вынуждены беседовать почти с каждым, доказывать, убеждать.

Тем временем на корабле заканчиваются последние приготовления к походу. Водолазы еще раз проверяют подводную часть корпуса. Погрузили дополнительный запас аварийного леса. Матросы притащили из мастерских газосварочный аппарат с баллонами ацетилена и кислорода: в таком походе все может

пригодиться.

Лейтенант Лушин построил на берегу тех, кто уходит на "Шаумян". Матросы стоят хмурые, недовольные. Видно, и наши беседы не помогли. Но митинговать нет времени. Приказываю грузиться на буксир. Мы решили, что наши моряки встретят "Шаумян" в Северной бухте, помогут его экипажу подготовиться к буксировке.

Ночью буксиры вывели нас из Килен-бухты. Вскоре пришел "Шаумян", конвоировавший в Севастополь три транспорта. Заводим на него буксирный конец нашу якорную цепь.

С Константиновского равелина сигнальный прожектор шлет пожелание командующего флотом: "Счастливого плавания и успешного перехода".

До свидания, Севастополь! Когда мы снова увидим тебя? Доведется ли еще бросить якорь в твоих бухтах?

Между обоими кораблями установлена телефонная связь, я могу непосредственно разговаривать с командиром "Шаумяна" капитан-лейтенантом Валюхом. Он мне рассказывает, что переход в Севастополь был труден, не сколько раз нападали фашистские самолеты. Надо, пока темно, подальше отойти от Севастополя: здесь особенно неистовствует авиация противника. Я соглашаюсь с ним, говорю, что скорость буксировки можно повысить до десяти узлов.

- Если налетят вражеские самолеты, отдавайте буксир и уклоняйтесь. Незачем рисковать обоими кораблями.

- Это вы бросьте, - отрезает Валюх, - на растерзание фашистам мы вас не оставим. Будем маневрировать не отдавая буксирного конца.

Наши моряки сначала скучали на "Шаумяне". Но хозяева оказали им радушное гостеприимство. Понемногу гости и хозяева крепко подружились.

Люди на "Беспощадном" распределены по двум сменам. Вахтенными офицерами поочередно заступают Кабистов и Ярмак. Козинец и машинисты зорко следят за состоянием корабля. Часа через три после выхода из Севастополя они тревожно доносят, что в носовую часть корабля поступает вода.

Прошу "Шаумян" убавить ход. На нашем корабле объявлена боевая тревога. Аварийная команда бежит в носовые кубрики. Действительно, там плещется вода. Она поднялась выше настила, которым покрыта пробка. Козинец со своими матросами несколько минут искали пробоину. Тревога оказалась ложной. Вода, как выяснилось, попала сюда сверху, когда окатывали из брандспойтов верхнюю палубу. Просто поздно заметили ее скопление, так как до этого все внимание уделялось помещениям,

где имелись повреждения ниже ватерлинии.

Рассвет нас застал в районе Судака. Пролетел над нами вражеский самолет-разведчик. От греха подальше, решили отстояться до темноты в Феодосии, на рейде которой было несколько наших кораблей.

Вечером погода ухудшилась. Нас предупредили, что в Керченском проливе шторм достигает 8 - 9 баллов.

Советуюсь с Валюхом, что делать дальше.

- "Беспощадный" выдержит? - спрашивает он.

- Думаю, выдержит.

- Тогда пойдем.

В ветер Керченский пролив - опасная зона. Здесь много минных полей. Волной нередко срывает мины, и они плавают по поверхности. В наше распоряжение выделяется два больших "охотника". Перед ними ставится задача проверить трассу перехода, а затем сопровождать нас до Новороссийска.

Когда вышли из Феодосийского залива, налетел ветер. Он свистит, ревет, хлещет в лицо холодной водяной пылью. Ну как, наша пробка не рассыплется от качки? Козинец докладывает, что пока держится. Кабистов пропадает на полубаке: смотрит, как ведет себя буксирный конец. Ведь если он порвется, на такой волне завести его будет нелегко. Это хорошо, что у нас буксирным концом служит якорная цепь. Она сильно провисает от своей тяжести и тем смягчает рывки.

Качка принимает угрожающий характер. Корабль трещит, скрипит. Волны перекатываются через палубу. В правом борту, в том месте, где была большая вмятина, которую мы так и не успели выправить, открывается течь. Машинисты пытаются приварить здесь стальной лист.

С невероятным трудом это удается. Минуту спустя ударом волны заплату срывает. Дальнейшие старания ничего не дают. Заплата не держится. Хорошо еще, что пробоина выше ватерлинии. Вода вливается, только когда налетает волна. До следующей волны насосы успевают откачать. Открывается течь и в других отсеках. Матросы ставят подушки, закрепляют их подпорами, конопатят щели, но вода все же просачивается. Больше всего нас пугает течь во втором турбинном отделении. Если его зальет, корабль может потерять остойчивость. Морякам аварийной партии долго не удается обнаружить место повреждения. Потом увидели, что вода поступает через бортовую цистерну. Немедленно осушили ее. Течь прекратилась.

Эта ночь, которой, казалось, и конца не будет, вымотала всех нас. Но с первыми лучами солнца мы увидели горы Новороссийска, и сразу стало легче. Ветер стал слабеть. А через

несколько часов море вокруг лежало тихое и ласковое, просто не верилось, что это оно так трепало нас ночью.

Остальной путь мы прошли спокойно, если не считать, что на сухумском рейде попали под ожесточенную бомбежку. Ни "Беспощадный", ни "Шаумян" от нее не пострадали.

Через неделю после выхода из Севастополя мы добрались до Поти.

"Беспощадный" встал у стенки завода.

Представители завода, узнав, что в своих отсеках эсминец доставил пятнадцать вагонов листовой пробки, действительно готовы были расцеловать нас. И хотя в числе этих представителей были и девушки, практичный Козинец заявил:

- Можете нас не целовать, только корабль быстрее отремонтируйте.

Рабочие уже начали было извлекать пробку из отсеков, но их остановил командующий эскадрой. Контр-адмирал Владимирский, еще не совсем оправившийся после ранения, прихрамывая, обошел помещения корабля, осмотрел отсеки, забитые пробкой, и приказал:

- Оставить, как есть. Пусть другие посмотрят и поучатся.

Экипаж ровными шеренгами стоял на верхней палубе. Контр-адмирал пытливо вглядывался в лица людей. С трудом он узнавал их. Измученные, похудевшие с воспаленными от бессонницы глазами. Порванная, прожженная, грязная, одежда. Но гордость и радость светятся во взглядах. И, словно читая мысли моряков, командующий громко произнес, обращаясь к замершему строю:

- Правильно, товарищи. Вам есть чем гордиться. Вы храбро воевали и преодолели тысячи трудностей, чтобы спасти родной корабль. Благодарю вас за боевые успехи, за инициативу и находчивость!

- Служим Советскому Союзу! - отозвался дружный хор голосов.

На несколько дней "Беспощадный" превратился в своеобразный музей. Прибывали экскурсанты со всех кораблей эскадры. Каждому хотелось взглянуть на повреждения корабля, узнать, как при таких повреждениях он не только удержался на плаву, но и прошел сотни миль, борясь со штормами, отбиваясь от вражеских самолетов. Офицеры и старшины водили гостей по кораблю, читали им целые лекции по борьбе за живучесть.

В конце концов пробку из трюмов выгрузили. Мы приступили к ремонту. Моряки торопили рабочих и сами согласны были трудиться без отдыха, лишь бы быстрее возвратить корабль в строй, скорее пойти на новые боевые дела.